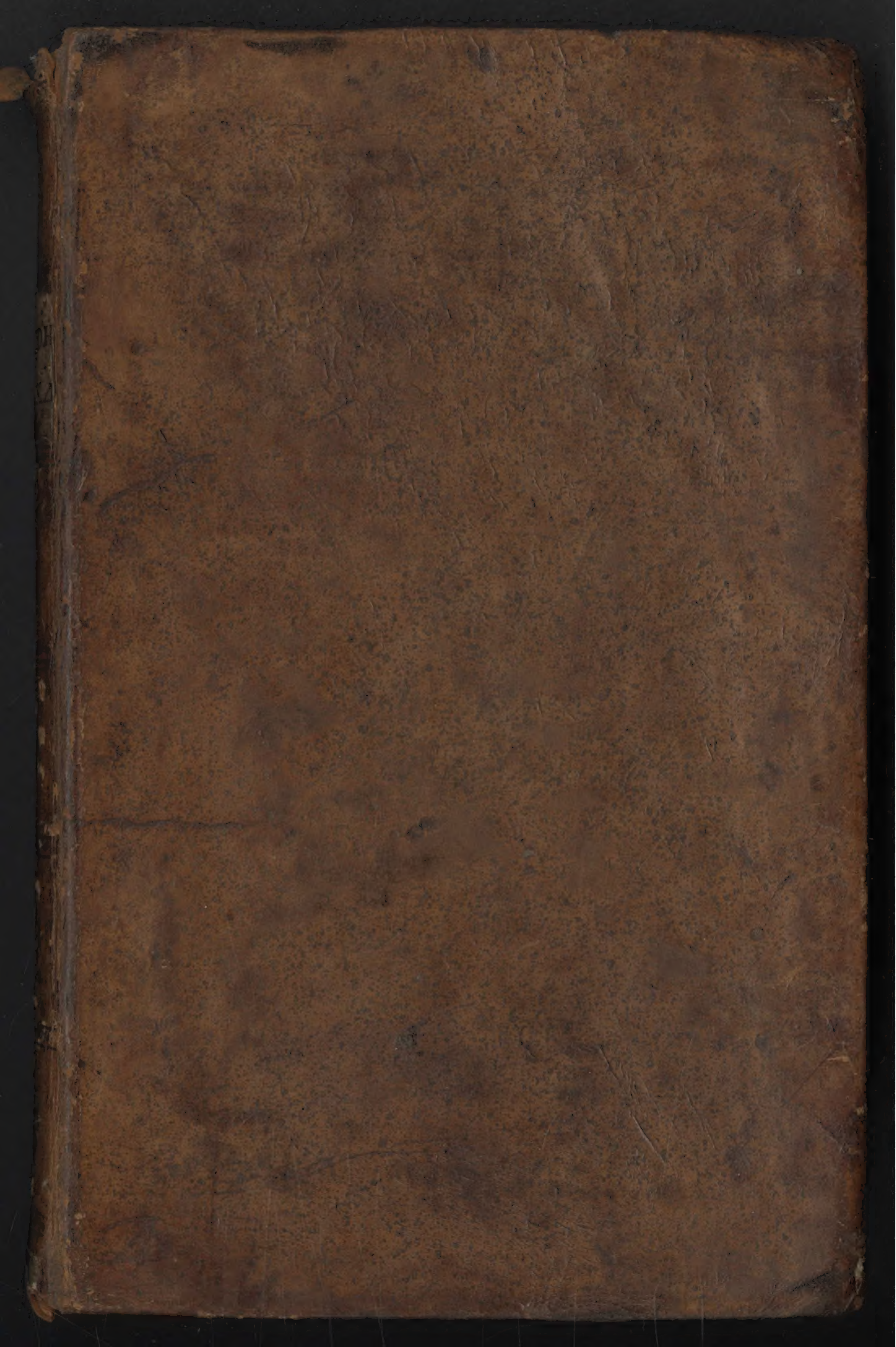

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 264.
ПОЛКА 4.
№ 32.

АНТОНІЯ

ДОЧЬ ГРАФА О..

ПЕРВАГО КАМЕРЪ-ГЕРА КОРОЛЯ П***

Достопамятнѣйшій и достойнѣйшій любопытства

АНЕКДОТЪ,

съ

Присовокупленіемъ разныхъ забавныхъ, нравоучительныхъ, критическихъ и пріятныхъ для сердца повѣстей, выбранныхъ изъ новѣйшихъ лучшихъ Нѣмецкихъ писателей.

Перевелъ съ Французскаго

И. М.

Съ Указнаго дозволенія.

КАЛУГА

1793 года.

ПОЧТЕННѢЙШЕМУ МОЕМУ ДРУГУ

В . . . А . . . Л , . .

Неоднократно покушался я посвятить вамъ, первый опытъ слабыхъ трудовъ моихъ. Но разныя случившїяся стеченїя, до того поднесь не допускали: и такъ прїимите теперь, почтенной мой другъ! сїе вамъ приношенїе не такъ какъ плодъ въ переводахъ моего знанїя, коимъ тщетно бы предпрiялъ я хвалиться; но какъ искреннѣйшую признательность за всѣ тѣ дружественные опыты, коими я въ теченїи не малаго времяни пользовался:

и ласкаюсь, что навсегда оныхъ не лишите, пребывающаго къ вамъ съ почтенїемъ,

Покорнѣйшаго слугу И, М . . ,

АНТОНІЯ

АНЕКДОТЪ.

Ошибаюсь ли я, Антонія? говорилъ Графъ О. . . . первый Камергеръ Короля П. . . . ошибаюсь ли я, почитая сердце твое свободнымъ?

Сей вопросъ относился его дочери, достигающей третьяго люстра, которая при всей своей невинности преисполнена была прелестьми; и пріобщала къ прекрасному характеру, все то что можетъ прибавить пріятнѣйшая фигура и лучшее воспитаніе. Въ уединеніи будучи воспитана, ей не удавалось еще

 раз-

разсуждать съ своимъ сердцемъ; окружавшіе предметы, увеселяли, но не порабощали: дворъ, куда отцемъ своимъ потомъ привезена была, единую токмо доставлялъ разсѣянность; а Графской вопросъ показавшейся ей не обыкновеннымъ побудилъ закраснѣться, не зная сама тому причины. Но батюшка, вопросъ вашъ! Я его не понимаю.

Онъ не мудренъ, любезная Антонія, послушай: вѣдаешь, что ты имѣещь несчастіе быть единственно наслѣдницею отца, сколь знаменитаго своимъ рожденіемъ и богатствомъ, такъ и милостію Монарха, коему онъ служитъ.

Несчастіе! удивленная, вскричала Антонія.

Такъ, несчастіе, по крайности въ одномъ случаѣ, улыбнувшись повторилъ Графъ: приватная женщина по волѣ своей располагать можетъ сердцемъ своимъ и рукою. Но мы, имѣемъ другія обязанности; будучи рождены въ знатной сферѣ, привязаны

ны

ны ко двору, касавшїеся ко всему тому что есть великаго; польза нашей фамилїи, благополучїе твоего родителя требуютъ, чтобъ въ твоемъ замужствѣ единая уважалась политика. По крайней мѣрѣ я искалъ сохранить тебя отъ трудной жертвы. Осьми лѣтъ лишилась ты матери; я удалилъ тебя отъ двора, и подъ присмотромъ одной моей прїятельницы, коей извѣстна была мнѣ мудрость, воспитывалъ въ деревни моей О***, мнѣ кажется что ея попеченїя соотвѣтствовали моему ожиданїю. Однакожъ, любезная Антонїя, рѣшительно отъ тебя знать хочу, не видалаль ты какой особы, которую бы сердце твое предпочитало?

Антонїя, всегда всемъ занимающаяся, и никогда не бывая безъ дѣла, не понимая чувственности хотя и весьма чувствительна, не обрѣла еще, не искала, ниже думала о предметѣ, казавшемся безпокоить ея родителя; сколь скоро примѣтила радость сїяющую во взорахъ его при

увѣренiи, что кромѣ его и Госпожи Ф *** никого не любитъ, то сiе чрезъ мѣру казалось ей страннымъ.

И такъ, никого ты не видала, продолжалъ Графъ, коего бы могла предпочесть намъ? нѣтъ, безъ сомнѣнiя, батюшка, сказала Антонiя, съ удовольственнымъ видомъ.

Тѣмъ лучше, дочь моя, тѣмъ меньше огорченiя твоему родителю; и что до тебя касается тѣмъ удобнѣе можешь рѣшиться на то, что исполнить непремѣнно тебѣ надобно.

Чтожъ исполнить мнѣ надобно, прервала съ любопытствомъ Антонiя?

Такъ, Антонiя, выслушай меня со вниманiемъ. Король не давно наградилъ заслугу, приближивъ къ себѣ Графа ***, которой выполняя должность Вице-Президента въ провинцiи съ великою славою, заслуживалъ своею способностiю и талантами быть первымъ Министромъ. Монархъ не удовольствовался симъ знакомъ своего благоволенiя; восхотѣлъ дать ему су-

супругу., и на тебя-то удостоилъ возвесть свои взоры.

На меня, батюшка, вскричала она, съ примѣтнымъ удовольствіемъ? а видя взирающаго на нее и улыбнувшагося Графа, она потупила свои голубые прекрасные глаза въ землю, раскаевалась, что слово *меня* сказала толь поспѣшнымъ образомъ.

Такъ, на тебя, дорогая Антонія. Графъ съ повелѣнія Монаршаго тебя требовалъ; я далъ ему слово; польза дому нашего въ томъ замыкается; Король желаетъ; и такъ чрезъ четыре недѣли перемѣнишь ты свое имя и состояніе. Не воображай себѣ, прибавилъ онъ, видя ее пришедшую въ удивленіе, изумленну, и безъ всякаго намѣренія ощипывающую приколотой розанъ; не воображай, чтобъ требуемое отъ тебя было свыше силъ твоихъ. Король, его любимецъ, и я самъ, мы предвидѣли, что ты одну токмо свою руку и особу вручишь; ты свободна, ежель сердце твое тому противоборствуетъ хра-

нить его; и намъ не будетъ странно ежель располагать имъ станешь по своимъ мыслямъ.

И такъ я буду его женою, спросила Антонія?

Непремѣнно.

Но я васъ не понимаю.

Хорошо, хорошо, подхватилъ смѣючись Графъ; когдабъ пожила ты здѣсь шесть мѣсяцовъ, то лучше бы меня понимала. Бѣдная Антонія; нравоучители явственно глаголютъ, что должны дѣлать вельможи, а того не вѣдаютъ, что они могутъ; описываютъ ихъ безъ нравовъ, между тѣмъ мы ничто иное есть какъ несчастные; вмѣсто того чтобъ порицать насъ, онибъ долженствовали соболѣзновать. Вышедши за мужъ, дочь моя, и побывши при дворѣ ты себя усовершенствуешь. Но говорено довольно: въ залогъ твоего послушанія дай ты мнѣ свою руку; я доволенъ, и съ удовольствіемъ вижу что безъ отвращенія исполняешь Королевскую волю и мои желанія. Ныньчежъ увидишь

дишь ты Министра; прими его какЪ такого человѣка, коего самЪ МонархЪ уважаетЪ, твой отецЪ почитаетЪ и которому ты назначена.

Антонія никогда невидала любимца, ея сердце было свободно, и была послушна: отЪ отца своего услышала такія вещи, коихЪ не понимала, хотя имѣла превосходной по своимЪ лѣтамЪ разумЪ и рачительнѣйшее воспитаніе. Удручаема отеческою властію, изумленна всемЪ слышаннымЪ, обѣщала повиновеніе; и когда осталась одна, то изЪ всего ею слышаннаго, одна мысль о замужествѣ за Графа ✿ ✿ ✿ Королевскаго любимца у ней оставалась, и котораго вскорѣ увидишь; а единственное ея желаніе состояло вЪ любопытствѣ. По прошествіи нѣсколькихЪ часовЪ извѣстили о приходѣ МинистровомЪ. Антонія побѣжала на встрѣчу. Но трудно вообразить ея положеніе, когда увидѣла идущаго кЪ себѣ малорослаго безобразнаго человѣка, при всемЪ томЪ криваго и горбатаго, которой совершен-

шен-

шенно не подходилЪ кЪ похваламЪ ея родителя! Немогши заключить чего ожидала, на вѣрное что не горбЪ и хрустальной глазЪ. Ее столько поразилЪ видЪ МинистровЪ, что забывЪ обыкновенную учтивость и всякое другое уваженіе сЪ поспѣшностію удалилась. Ее отбытіе удивило, но нимало не озлобило Графа. Хотя совершенно былЪ онЪ убѣжденЪ вЪ наружныхЪ своихЪ недостаткахЪ, однакожЪ другихЪ не приписывалЪ сему поступку причинЪ, какЪ токмо обыкновенную молодой особѣ, застѣнчивость; и что находясь нѣсколько токмо мѣсяцовЪ вЪ большомЪ свѣтѣ, не довольно еще кЪ оному привыкла, а особливо когда еще долженствовала вЪ ту минуту воспріять важное вЪ жизни положеніе, онЪ зналЪ, что накануне не имѣла она о томЪ нималѣйшаго подозрѣнія.

Между тѣмЪ Антонія была вЪ ужаснѣйшемЪ положеніи; она чувствовала, что должна показаться, а сама по себѣ того учинить была не вЪ

со-

состоянїи; мысль совокупиться бракомъ съ Графомъ, приводила ее въ ужасъ. По жестокомъ сраженїи, вооружась бодростїю, чтобъ опять явиться, но съ тѣмъ мнѣнїемъ, чтобъ все употребить, дабы миновать грозящїя ей участи. По входѣ ея къ нему, съ движенїемъ слушала, повторенїе говоренное ей отцемъ ея. Могуль я ласкаться, прекрасная Антонїя, прибавилъ онъ, подавая ей съ учтивостїю свою руку, что вы подтвердите данную мнѣ надежду, что вы согласитесь сдѣлать мое блаженство? оно отъ васъ единой зависитъ. Невольное содроганїе, на силу произнесенной отвѣтъ являли состоянїе бѣдной Антонїи. Но Камергеръ, (которой безсомнѣнїя сего чаялъ) столь хорошо предварилъ Графа о мнимой застѣнчивости своей дочери, что сему послышалось слово *да*, имъ желанное; и въ то время, какъ Антонїя удалилась, дабы во весь остатокъ сего посѣщенїя не являться, оба Графа, будучи непрїятели церемонїала, поло-

ложили между собой, чтобЪ браку совершиться вЪ одной Камергеру принадлежащей деревни, находящейся вЪ недальнемЪ отЪ столицы разстоянiи; что вЪ сей тайнѣ участниками будутЪ Король и четыре свидѣтеля, и что по возвращенiи супруговЪ бракЪ будетЪ обнародованЪ.

Тогда какЪ они полагали сiи мѣры, Антонiя не такЪ будучи застѣнчива, какЪ ее почитали, выдумывала средства, какЪ бы упросить своего родителя кЪ возвращенiю своего слова, кое выполнить имѣла непреодолимое отвращенiе. СЪ нетерпѣливостiю ожидала Графскаго удаленiя; и едва токмо отецЪ ея одинЪ остался, то бросилась кЪ ногамЪ его, заклиная возвратить ей обѣщанiе, и сказывала о чрезмѣрномЪ омерзенiи ощущаемомЪ ею. --- ПротивЪ честолюбiя оружiя мало; отецЪ ея воспротивился всѣмЪ трогательнымЪ средствамЪ прекрасною его дочерью кЪ смягченiю его употребленнымЪ. Я не принуждалЪ тебя, сказалЪ онЪ ей свирѣ-

рѣнымъ голосомъ; ты дала обѣщанїе, Антонїя; не принудь меня получить то властїю, что добровольно сдѣлать хотѣла. Она хотѣла было продолжать, но взоръ гнѣва преисполненной, каковой на нее взброшенъ, ее оставляя, уничтожилъ въ ней послѣднюю имѣвшуюся надежду. Будучи столь же послушна какъ и чувствительна, рѣшилась повиноваться. Со всѣмъ тѣмъ дорого ей стоило, чтобъ не мыслить о множествѣ предпрїятїи, коимибъ можно было по крайности удалить необходимость жить съ такимъ человѣкомъ, коего она не знала, и къ особѣ котораго ощущала непреодолимое отвращенїе. Графъ будетъ имѣть мою руку, говорила она сама себѣ, потому что отецъ мой того желаетъ, и чего требуетъ его польза. Но для сего жертвуя собою, покрайности просить буду у самаго Графа смягченїя моимъ несчастїямъ.... По виду преданная своей участи, съ ними поѣхала она въ деревню, гдѣ бракъ долженствовалъ свершиться; и

въ

въ то время, когда Камергеръ поздравлялъ себя съ преобороніемъ затрудненія и взиралъ на оканчивающуюся церемонію, Антонія приближась къ Графу, вручила ему записку, испрашивая отвѣта въ ту самую минуту удалилась. Вотъ въ чемъ бумага сія состояла.

Господинъ Графъ!

„Повинуясь родителю, стала ва„шей супругой; примите сей залогъ, „что я считать стану священными „всѣ тѣ права, кои вы пріобрѣли надо „мною; но въ тожъ время, заклинаю „васъ испросить позволеніе моего ро„дителя, чтобъ нынѣжъ осмѣлилась „я возвратиться въ то уединеніе, „изъ коего извлекли меня. Отказомъ „своимъ ничего больше пріобрѣсть „не можете, какъ токмо усугубленіе „моего несчастія. Но снизходя на „требованіе мое умножите то ува„женіе, каковое къ достоинствамъ ва„шимъ по слуху я возъимѣла, и въ „чемъ имѣю честь васъ увѣрить„

Ми-

Министрѣ будучи благоразуменѣ чтобѣ взаимную любовь требовать; былѣ пораженѣ не мало, видя отвращенїе кѣ себѣ молодой своей супруги, и какѣ его обманули сказавѣ, что первые знаки ею кѣ тому оказанные происходили отѣ застѣнчивости. Сїя записка изъявляла твердость характера весьма рѣдкаго вѣ ея лѣтахѣ, и подтверждала то мнѣнїе, кое онѣ уже обѣ ней имѣть начиналѣ. Со всѣмѣ тѣмѣ не колебался какую принять ему сторону. Глубокой вздохѣ, видя избѣгающее благополучїе имѣ чаянное, былѣ все то что себѣ позволилѣ; и приближившись кѣ Камергеру, сообщилѣ ему записку его дочери; а самѣ сдѣлался ее ходатаемѣ, чтобѣ согласить его на ея требованїе, увѣряя его притомѣ, что оба ихѣ дома и взаимныя пользы ни мало отѣ того не потерпятѣ, и что сїе разлученїе никакѣ поколебать не можетѣ доброе ихѣ между собой согласїе; на себя бралѣ привесть кѣ сему расположенїю Короля. Не малаго тру-

да ему стоило удержать отъ гнѣва своего шестя: но какъ далъ ему разумѣть, что вѣроятнѣй изхитилъ нежели получилъ согласіе своей дочери; то сей не могъ въ томъ запереться, согласился наконецъ на ее желаніе. И такъ положено было содержать въ тайнѣ бракъ до тѣхъ поръ, пока не приведутъ ее на другія мысли. Свидѣтели умолкли. Аннонія поѣхала въ деревню О***; прочія въ столицу. Король утѣшилъ любимца своего счастливымъ предбудущимъ: а Камергеръ тщетно трудился перемѣнить расположеніе своей дочери.

Ей ни хорошо, ни худо казалось въ деревни. Малое время проведенное въ свѣтѣ, не довольно было къ тому, чтобъ потерять ей вкусъ къ деревенскимъ забавамъ. Она любила старую свою подругу, дѣлила время съ нею угождая ей разведеніемъ цвѣтовъ, кормленіемъ птичекъ: чтеніемъ пріятныхъ и полезныхъ книгъ, прогулками, и наконецъ, женскими рукодѣліями, въ коихъ была совершенна. Вотъ обы-

обыкновенныя ея были упражненiи. Будучи не кокетка и не вѣтренна, она простирала чистоту и вкусъ до чрезвычайности. Видя ея одежду, женщины подумалибъ, что ожидаетъ нѣжнаго своего любовника; однакожъ, она никого не ожидала; она такъ была невинна и цѣломудренна, что и не желала того. Но минута приближилась, въ которую Антонiя познала свое сердце.

Въ жаркое лѣтнее время, любимое ея мѣсто было въ бесѣдкѣ построенной на садовой стѣнѣ, которая окнами стояла на дорогу весьма мало проѣзжую, хотя не такъ совершенно уединенную, какъ рощицы въ близи находящiяся. Совершенно занимаясь начатою работою, наслаждаясь прiятнѣйшимъ благовонiемъ розъ, кои начинали распускаться, и на коихъ она походила; и коимъ подражать желала; Антонiя, сидя подлѣ окна, послышала лошадиной топотъ; и хотя никому другому не чаяла быть какъ поселянину; однакожъ и то въ уеди-

неніи пріятно. Любопытствуя посмотрѣть, и съ удивленіемъ увидѣла хорошо одѣтаго Офицера, которой, учтивѣйшимъ образомъ ей кланяясь, былъ увлеченъ запальчивой своей лошадью, и съ столь сильнымъ стремленіемъ, что страхъ Антоніинъ равнялся ея удивленію. Она провождала его глазами пока можно было видѣть. Въ первой токмо разъ въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ, она увидѣла существа не деревенскія? Кто онъ таковъ? Спрашивала сама себя. Откуда? какъ никто не отвѣчалъ на ея вопросы, то мыслила о томъ много. Но эта лошадь весьма запальчива! Ну! естьли приключится ему какое несчастіе! ахъ! съ какою пріятностію онъ ею правитъ! — — Разсужденія не сдѣлала бы она безъ ощущаемаго ею ужаса. Принялась за свою работу; но всегда слышалися ей то ступь то скокъ лошадиной; иглы ея казались ей скверны; розаны завявши перемѣнили свою округлость; надобно было вновь срывать ихъ. Она входитъ

дитъ въ рощицы, прогуливается, чтобъ разсѣять новыя мысли симъ явленїемъ ей причиненныя. Мало живущихъ въ деревнѣ дѣвицъ, коибъ не испытали того, что ощущала Антонїя. Девять часовъ на ея часахъ, напоминали старую ея подругу, которая по слабости своего здоровья изъ своей комнаты не выходила. Антонїя къ ней побѣжала, удовольственнымъ видомъ пожелавъ ей добраго вечера удалилась къ себѣ; и какъ изъ оконъ ея комнаты не видно было на дорогу, то со скукою рѣшилась ложиться спать. Два дни сряду безпрерывной дождь удерживалъ ее дома. Какъ жалко! говорила она, розаны цвѣтутъ, а я не могу обонять ихъ благоуханїя? Наконецъ, столь желанная хорошая погода возвратилась; она бѣжала осмотрѣть свои розы, и нашла ихъ на окнѣ бесѣдки. Но кромѣ земледѣльцевъ никто не проходилъ, забыла дорогихъ своихъ горлицъ, съ досадою смотрѣла на проходящихъ поселянъ; увидѣла раскрытую

 кни-

книгу, составлявшую ея утѣшенїе, прочтя въ ней нѣсколько страницъ, нашла, что авторъ безъ прїятности, безъ всякихъ мыслей; оставляетъ бесѣдку, колеблемыми шагами приближается къ двери, чтобъ вытти на дорогу, какъ вдругъ восхитительный стукъ лошади послышался. Легко заключить можно, что Антонїя къ окну бросилась, чаянїе не обмануло. Въ самомъ дѣлѣ сїе было безпокойная лошадь, и искусной кавалеръ ею управляшей. Удержанное восклицанїе, сраженїе между желанїемъ его видѣть, и мыслїю что сїе непристойно, дало время Офицеру приближиться: они взаимно поклонились. Но Антонїя пришедши сама не зная для чего въ движенїе дѣлая поклонъ, уронила держимой ею платокъ. Офицеръ проворно сходитъ на землю, поднявъ его, и привязавъ свою лошадь, пользуется симъ счастливымъ случаемъ, чтобъ войти въ садъ, и въ близи увидѣть тамъ прекрасной предметъ, которой его поразилъ съ перваго

ваго вида. Антонія будучи нѣсколько растроена, однакожъ пошла къ нему на встрѣчу; и поблагодаря его съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ еще прелестнѣе ее учинившимъ, учтиво склонилась на то, чтобъ по его требованію показать ему садъ. Отъ него узнала, что онъ называется Баронъ А***, Маіоръ гвардіи; что купя по близости землю, разположился пробыть въ ней нѣсколько времяни, чтобъ дѣлать нужныя разположеніи. Онъ удивился саду, и говоря о пріятностяхъ, кои тамъ находитъ, неперестававалъ озирать Антонію, у которой испросилъ дозволеніе свидѣтельствовать ей свое почитаніе, равно какъ и Госпожѣ Ф***; онъ прибавилъ, что какъ ни говорили о прелестяхъ прекрасной его сосѣдки, со всѣмъ тѣмъ признавался, что въ первый разъ народной слухъ былъ далеко ниже истинны. Произнося сіи слова, почтительной сдѣлалъ поклонъ, сѣлъ на лошадь и удалился. Антонія оставшись одна, хотѣла въ бесѣдку во-

 ро-

ротиться; но что бы она увидѣла? ничего больше ожидать ей не оставалось. Возвратясь въ садъ, пробѣгала всѣ аллеи, искололасъ терновникомъ, наткнулась на кустъ, садилась на скамейку, напослѣдокъ бросилась къ своей подругѣ, имѣя намѣреніе сказать ей о многомъ, чего однакожъ не сдѣлала; нашедши ее въ чрезмѣрной скукѣ, и почитая себя весьма усталою, приходитъ въ свою комнату, пребывая еще въ сомнѣніи, отъ чего происходитъ сколько новое столь и трудное ея положеніе.

На другой день, объявляютъ о прибытіи Бароновомъ. Гжа Ф*** приняла его ласково, Антонія холодно и принужденно. Хорошей видъ, свободная поступка, учтивость и благородныя ухватки, съ первой минуты преклоняли въ его пользу. Гжа Ф*** имъ стала обвороженною; посѣщеніе было кратко-времянно, но довольно чтобъ судить, что его разговоры соотвѣтствовали разуму физіогноміею его являемой. Подруга Антоніина неумол-

умолкно осыпала его похвалами; тутъ-то Антонии слѣдовало бы разсказать, какъ она сдѣлала сіе знакомство; но на канунѣ ей казалось говорить о семъ рано; а теперь сочла, что сіе будетъ съ лишкомъ поздо: и такъ дала свободу вести рѣчи своей подругѣ. Сія бывъ охотница до того, чтобы входили въ ея разсужденіи, не-мало удивилась холодному ея одобренію: принужденною нашлась убѣждать ее, что онъ весьма достоинъ, малѣйшее сомнѣніе казалось ей оскорбительнымъ, какъ для себя самой, такъ и для покровительствуемаго ею, и мало по малу разгорячившись, объявила его образцомъ всевозможныхъ совершенствъ, а Антонію, робенкомъ не въ состояніи бывшимъ судить о дарованіяхъ. Юная особа спокойно допустила бранить себя, и нашла что Гжа Ф*** увеселительнѣе была, чѣмъ на канунѣ.

Она того вечера не была въ бесѣдкѣ, которую въ прочемъ никогда не оставляла даже въ самые дождли-

вые дни, всегда послѣ обѣденное время шамъ проводила, що въ чшеніи книгъ на единѣ съ размышленіемъ; що въ рукодѣліи, кое она показывала своей подругѣ; таже причина, которая шребовала уединенія для всѣхъ Антоніиныхъ упражненіи, управляла Барономъ, которой ежедневно въ одинакое время проѣзжалъ мимо оконъ бесѣдки, у которой его лошадь столько Антонію заставила содрогаться. Однакожъ онъ усмирилъ ее, и сей звѣрь сдѣлавшись тише, позволялъ своему господину около четверти часа разговаривать съ прелестною его сосѣдкою; а Гжа Ф*** утѣшалась тѣмъ, что научила Антонію замѣчать дарованія; ибо сія не скрывала отъ нея, что она иногда разговариваетъ съ Барономъ, которой такъ же пользовался позволеніемъ свидѣтельствовать имъ свое почтеніе.

Легко привыкаютъ къ тому что нравится. Сколь ни были невинны, сіи кратко-временныя свиданія, Антонія находила въ нихъ такую прелесть,

что

что безъ оныхъ не могла обойтиться. Нѣкогда по обыкновенію, читавши и кончивши предпріемлемую работу; и часы ея давно уже показывали время Бароновой прогулки, то не вѣдала какъ бы ей разсѣять свою скуку. Сколь эта дорога малопроходна. Никого не видно. Антонія себя единою считаетъ въ свѣтѣ, котрая за четыре недѣли передъ симъ, не воображала имѣть при себѣ кого нибудь, что ей того дни дѣлать оставалось? Собачкѣ ея гулять хотѣлось; бѣдной звѣрь, говорила она, тебѣ столько же скучно, какъ и мнѣ! шаги ихъ направились къ садовой калиткѣ; надобно перемѣнять прогулки. Она слѣдуетъ за собачкой, собачка за ней слѣдуетъ; и онѣ пошли по первой попавщейся имъ на полѣ тропинкѣ; собачка прыгала, играла, Антонія въ глубокихъ мысляхъ пребывая, не прежде пришла въ себя, какъ отъ лая оной, которая преслѣдовала зайца, и со всѣмъ было получила наказаніе за свою дерзость, естьлибъ господинъ (охотника цѣлив-

щаго-

шагося по ней изъ ружья) не бросился спасти ей жизнь и принести къ ногамъ Антонїи, которая съ ужасомъ въ избавителѣ собачки увидѣла Барона А***. Хотя нѣтъ сомнѣнїя, чтобъ прогуливаясь не объ немъ мыслила, со всѣмъ тѣмъ не искала найтить его, или съ нимъ повстрѣчаться. Мысль, что онъ это подумаетъ; боязнь чтобъ не счелъ, что шла искать его, потому что въ обыкновенное не проѣзжалъ время; все сїе столь живо уму ея вообразилось, что со всѣмъ не раздѣляла съ нимъ радости, имъ оказываемой о сей нечаянной встрѣчѣ. Сколь невинною себя ни почитала, ея сердце и разсудокъ каждой имѣлъ особливую свою пользу; и въ сїю минуту сїе токмо ощущая, она неутѣшно о безразсудности своей соболѣзновала. Чтожъ касается до Барона, то взирая на ее, единые токмо ощущалъ восторги; онъ съ великимъ сожалѣнїемъ пошелъ на охоту; теперь радовался, что это сдѣлалъ, потому что нашелъ то, что его съ нѣкото-

котораго времяни единственно занимало. ОнЪ изЪяснилЪ свою радость сЪ такою живостїю, что тѣмЪ прїумножилЪ замѣшательства Антонїины и страхи. Она хотѣла воротиться, и БаронЪ представилЪ ей свою руку. Но чрезвычайность благополучїя столько заняла его, что вмѣсто того чтобЪ по обѣщанїю своему провести ее по ближайшей дорогѣ, онЪ потерялЪ ее, и солнце довольно ужЪ закатилось, а они еще были вЪ неблизскомЪ отЪ саду разстоянїи; наконецЪ кЪ великому Антонїи желанїю они прибыли, которая боролась между удовольствїемЪ и раскаянїемЪ. Но пришедши кЪ себѣ, БаронЪ прощается, безЪ сомнѣнїя онЪ удалится. Со всѣмЪ нѣтЪ: произнося взаимныя прощанїи, нашли себя сидящими вЪ бесѣдкѣ, Антонїя погруженная вЪ глубокую задумчивость и БаронЪ стоящей на колѣняхЪ. Прекрасная Антонїя, говорилЪ онЪ, можетель вы любить меня? ОнЪ сжималЪ одну изЪ ея рукЪ, которую она у него не отни-

нимала. Предавшись она нѣсколько часовъ весьма новому для нея ощущенію, не знала сама себя. Баронъ пріобщалъ къ прекрасному своему виду привлекательнѣйшія движенія, военной его мундиръ не мало придавалъ ему пріятности. Но какъ онъ стоялъ передъ Антоніею на колѣняхъ, то огнь его взоровъ обузданныхъ тихостію чувствованія, звукъ голоса, трогательное положеніе, простота охотничей одежды, учинили его прелестнымъ. Антоніи казался онъ съ лишкомъ любви достойнымъ; и естьлибъ въ сію минуту родитель ея спросилъ у ней о состояніи ея сердца, то ощутила бы, что оно занято. Внѣ себя безмолвна, она ничего на вопросъ его не отвѣчала.

Можете ли вы любить меня, прекрасная Антонія, повторилъ онъ, обхватя ее легонько своею рукою? Сіе движеніе возвратило ей присудствіе разсудка. (Фердинандъ. . . . Возразила, съ пріятностьми скромности и стыдливости. . . . Она столь

ча-

часто повторяла сїе имя, которое было его, очемЪ онЪ ее прежде увѣдомилЪ, что противЪ своей воли произнесла оное; но закраснѣвшись отЪ сего, и мгновенно исправившись отвѣчала смятеннымЪ голосомЪ: ради Бога, государь мой! оставте меня, ежели любите.

Любовь истинная уваженїемЪ сопровождается: Антонїя другой не могла внушить. Произшедшее между ею и БарономЪ доказывало сему, что благополучїемЪ, коимЪ наслаждался, долженствуетЪ ея невинности; онЪ столь много любилЪ ее, что не употребилЪ во зло ея непорочности. ОнЪ всталЪ, и поцѣловавЪ руку отЪ ней удалился, будучи столько же влюбленЪ сколь она заслуживала быть любимою. Антонїя размышляя пошла кЪ замку; она о не многихЪ размышленїи была внѣ себя; очувствовавшись еще размышляла, и не знала сама какЪ очутилась вЪ той же бесѣдкѣ, гдѣ на канунѣ излетѣло у ней Фердинандово имя; тихо его повторяла,

сЪ

съ легкимъ и тайнымъ содроганїемъ; она приближилась къ сему мѣсту, столь драгоцѣннымъ сердцу ея учинившимся, хотѣла было войтить и закричать, мечтая видѣть любовчика своего лежащаго погруженна въ глубокое размышленїе, глаза въ половину сомкнутые, возмущенной видъ имѣющаго. Счастливой Зефиръ легонько развѣвалъ листы и цвѣты, кои заслоняли чело его. Антонїя отступаетъ не смѣя изыскать, мечта ли то иль истинна. Возбужденной Фердинандъ, испускаетъ глубокой вздохъ, съ скоростїю встаетъ и упадаетъ къ ногамъ ея. Прости меня, прекрасная Антонїя, не сочти, чтобъ я тебя обезчестилъ, оставшись здѣсь ночь сїю; я не могъ быть у себя спокоенъ; невольное движенїе сего утра сюда привлекло меня. Вотъ здѣсь въ бесѣдкѣ, которая навсегда Фердинандовою пребудетъ. Придите взять ее въ свое владычество. Антонїя столь была испугана, что сама не вѣдала оставаться ли ей или удалиться.

литься Онъ взялъ ее за руку, держалъ ее; можно ли было ей удалиться? и когда на свободѣ оставилъ, она о томъ больше не думала; у ней столь мало было самолюбія, даже не знала, что все находящееся на ней было прелестительно. Пріятное сложеніе стана образовало тонкую матерію ея покрывающую; скорое дыханіе вздымало прозрачную ея косынку, скромной и трогательной взглядъ, стыдливой румянецъ, русые волосы съ переди остриженные; и не рачиво по плечамъ распущенные, хотя раздѣленные на два локана, кои черная гладкая шляпа придерживала. Наиславнѣйшій живописецъ потерялъ бы свою славу, еслибъ осмѣлился списывать всѣ соединенныя ея прелести, сидящей съ своимъ любовникомъ, и вкушающихъ утренней свѣжей воздухъ, благовоніе цвѣтовъ и наслаждающихся согласнымъ соловья пѣніемъ. -- Вообразите колико Фердинандъ долженъ быть внѣ себя, любви преизбыточествующъ; не имѣя

изъясненія на ощущаемое имъ; единою рукою обнявъ ее, искалъ еще приблизиться! но Антонія исторгшись изъ его объятіи, взбросила такой разительной взоръ изъ прекрасныхъ нѣжныхъ глазъ своихъ, которой явственно далъ знать, что столько же любить будутъ Фердинанда, колико пребудетъ онъ честенъ и почтителенъ. Прости меня, прелестная Антонія, говорилъ онъ, я было забылся! кто толикимъ прелестямъ противоборствовать въ силахъ? Но кто также можетъ употребить во зло твою невинную непорочность? Я вижу, вы отвѣчаете моей страсти, сего довольно. Я отказываюсь отъ наималѣйшей вашей благосклонности до толѣ, когда получу отъ родителя вашего согласіе, къ которому писать буду нынчежъ. -- Сіе слово было ей громовымъ ударомъ; она не размышляла еще о слѣдствіяхъ удовольствія, кое вкушала видя Фердинанда: невинное ея сердце безъ угрызенія предавалось; не воображала еще,

что

что слѣдовало удаляться человѣка, коего не иначе могла считать, какъ за своего друга. Но онъ о любви говоритъ ей, желаетъ согласія ея родителя! союзъ ея съ Графомъ, ужасъ своего жребія, все въ сію минуту ей представилось; до вольностей имъ было предпріятыхъ, не допустила она по врожденному побужденію цѣломудрія соединеннаго съ душами честныхъ правилъ и хорошимъ воспитаніемъ. Но вдругъ познавъ прямую свою должность, пришла въ ужасъ. О! родитель мой, вскричала она, великій Боже! нѣтъ, Фердинандъ, нѣтъ, не дѣлай сего! престанемъ видѣться. Престать тебя видѣть, обожаемая Антонія, такъ по этому хочешь моей смерти. Какая это злобная препона сопротивляющаяся моимъ желаніямъ?

Это тайна, возразила она, прерывающимся голосомъ.

Тайна, ахъ! и я не смѣю изыскивать оную?

Антонія наблюдала молчаніе; Фердинандъ былъ внѣ себя; взоры

ихЪ повстрѣчались. ТакЪ, сказала наконецЪ, такЪ, вы смѣете, вы даже знать должны, и дѣлая сама надЪ собою насилїе, разсказала ему о своемЪ замужствѣ, обстоятельства и ничего кромѣ имяни своего супруга не сокрыла.

Сколь ни ужасно сїе извѣстїе было Фердинанду, онЪ видѣлЪ однакожЪ, что она своимЪ родителемЪ была принуждаема; онЪ ласкался, такЪ какЪ она не хочетЪ жить сЪ своимЪ супругомЪ, что можно будетЪ разорвать толь не нравное соединенїе; и ни мало не теряя надежды, выдумалЪ одно средство, которое побудило его сЪ скоростїю прервать, хранимое имЪ отЪ самой повѣренности Антонїиной молчанїе. И такЪ! сказалЪ онЪ ей, безЪ сихЪ ужасныхЪ узЪ, еслибЪ вы были свободны, любили ли бы вы меня, дражайшая Антонїя?

Удержанный вздохЪ, внизЪ опущенныя прекрасныя очи, и источникЪ слезЪ, точащїйся изЪ длинныхЪ прекрас-

красныхЪ рѣсницЪ ея, были ея отвѣтами. ТакЪ, тыбЪ призналась, божественная дѣвица! такЪ ФердинандЪ будетЪ твоимЪ супругомЪ! ежели судьи не сжалятся на состоянїе наше, я прибѣгну кЪ Монаршему милосердїю, онЪ меня знаетЪ, выслушаетЪ; такЪ, мы счастливы будемЪ.

Печаль лишила словЪ Антонїю, страхЪ ей оныя возвратилЪ. МонархЪ, вскричала она! великїй Боже! онЪ не внемлетЪ вамЪ. ОнЪ-то заключилЪ мое печальное замужство; за любимца его я вышла за мужЪ.

За любимца! ктожЪ онЪ таковЪ Антонїя?

Она назвала его по имяни. Барона сїе сразило, онЪ упадаетЪ кЪ ногамЪ ея. ТакЪ ужЪ все совершилось, Антонїя! ихЪ вздохи соїялись; цѣлуетЪ ея руку, встаетЪ сЪ поспѣшностїю, беретЪ шляпу и почти прерывающимся голосомЪ произноситЪ, что послѣ обѣда придетЪ непремѣнно. Представьте себѣ то со-

стояніе въ коемъ онъ Антонію оставилъ; она не малое время погружена была въ совершенное уничтоженіе; но источникъ слезъ облегчилъ нѣсколько стѣсненное ея сердце, она въ памяти своей проходила все случившееся съ Фердинандомъ, признавалась въ чувствованіяхъ, кои къ нему имѣла. Будучи весьма добродѣтельна, чтобъ мыслить токмо о правилахъ своего родителя, коибъ она въ сію минуту принять могла, упрекала себя въ неблагоразуміи отъ невинности ея произтекавшемъ. Заключила тѣмъ, чтобъ опять никогда не видать его. Но онъ при разставанье не изъяснился: ужасное положеніе, въ которое повергла его ея довѣренность, могла его привести къ какому нибудь опасному предпріятію: онъ писать могъ къ Монарху, къ отцу ея. Сія мысль въ трепетъ ее приводила; а чтобъ отъ того отвратить его, надобно видѣть и сіе въ послѣдній. По обѣщанію онъ пришелъ; подалъ ей запечатанную бу-

бумагу, на шею ей надѣлъ портретъ въ Медалïонѣ, и самъ подобно стрѣлѣ удалился, поцѣловавъ прежде у ней руку съ живѣйшимъ движенïемъ. Антонïя находилась въ высочайшемъ степени смятенïя: будучи неподвижна и въ неизвѣстности, существуетъ ли онъ, его ужъ больше не видала: тысячу неопредѣленныхъ страховъ ее ужасали; трепеща разламываетъ печать бумаги ей врученной, коей вотъ содержанïе:

„Мнѣ было 15 лѣтъ, а вашему „супругу 24. Наши родители бывъ „между собой друзьями, и потому „часто видались. Графъ служилъ въ „гвардïи Офицеромъ, отличаясь въ „корпусѣ какъ дарованïями такъ и „видомъ своимъ: прекрасныя его гла„за содѣлались пословицею у сестръ „моихъ и младыхъ дамъ, коихъ посѣ„щалъ онъ. Чтожъ до меня касается, „какъ былъ я чрезмѣру вѣтренъ, то и „отнимали у меня огнестрѣльное ору„жïе, находился подъ присмотромъ „строгаго надзирателя удерживаю-

„щаго меня, но неисправляющаго. Нѣ-
„когда какъ онъ меня одного въ ко-
„мнатѣ оставилъ, неспособенъ буду-
„чи чемъ нибудь полезнымъ зани-
„маться, унесъ я ружье, и пробо-
„валъ стрѣляя воробьевъ; я столь
„несчастливо цѣлилъ, что выстрѣ-
„ломъ разбилъ на переходахъ оконни-
„цу. Въ то самое время Графъ шелъ
„по онымъ и попалъ ему въ глазъ
„стекольный обломокъ; я побѣжалъ
„къ нему на встрѣчу, бросился къ но-
„гамъ его, ожидая справедливыхъ уко-
„ризнъ, будьте спокойны, сказалъ
„онъ, никто про сїе не свѣдаетъ,
„что вы виновны. Прибывшимъ къ
„нему на помощь сдѣлалъ онъ вѣро-
„ятную исторїю; и не только не
„наименовалъ меня, но я еще ему
„тѣмъ долженствую, что я есмь те-
„перь. Между тѣмъ лишился онъ
„глаза, пошелъ въ отставку, и оста-
„вилъ общества, гдѣ кривой больше
„не нравился. Но желая отличить
„себя въ другомъ поприщѣ, предался
„наукамъ, трудясь день и ночь, прї-
обрѣлъ

„обрѣлъ рѣдкія познанія; чрезъ тру-
„ды, прилѣжаніе и писаніе, онъ сгор-
„билъ прекрасной станъ свой и по-
„лучилъ горбъ, которой не можетъ
„внушить омерзенія; ибо оной есть
„слѣдствіемъ трудовъ его, преполез-
„ныхъ. Я вновь содѣлался было про-
„тивъ его злодѣемъ. Но мгновеніе, въ
„которое вы наименовали мнѣ ваше-
„го супруга, навсегда потушило
„страсть любовника, чтобъ сохра-
„нить единую токмо братскую дру-
„жбу. Я заклинаю васъ всемъ тѣмъ,
„дражайшая Антонія, что ни есть
„драгоцѣннѣйшаго, не убѣгать чело-
„вѣка, которой стоитъ того, чтобъ
„вы его узнали: естьлибъ вы столь-
„ко его знали, какъ я, сколь свой-
„ство его имѣетъ благороднаго, серд-
„це благости, вы дѣйствительно бы
„его полюбили. Я поднесь сохранилъ
„такъ, какъ драгоцѣнной остатокъ,
„портретъ его, прежде несчастнаго
„случая, коего я виновникъ, съ него
„писанной. Позвольте мнѣ его пред-

 „ста-

„ставить, разсмотрите и признай-„тесь, что природа начертала въ „подлинникѣ все благородство и до-„броту, каковую характеръ его и те-„перь имѣетъ. Попробуйте узнать „его, и вы усмотрите, что можно „быть кривымъ и горбатымъ, и при-„томъ любезнѣйшимъ человѣкомъ. Сія „истинна такимъ человѣхомъ вамъ „сказана, которой бы и Королю васъ „оспоривалъ, и которой не можетъ „покуситься противоборствовать „наидобродѣтельнѣшему изъ смерт-„ныхъ„

Антонія по прочтеніи сего письма пребыла не подвижна; весьма скорое дыханіе объявляло внутреннія ея сраженіи; душа ея воспримала насиліе уподобиться Фердинандовой; невольные вздохи послѣдовали мысли, что онъ больше существовать для ней не будетъ. Она робкой взоръ возвела на оставленнй ей портретъ, и поражена стала царствовавшимъ въ глазахъ его огнемъ и чувствованіемъ. Удивленіе, стыдъ, изумленіе, неудоволь-

вольствіе, жалость, всѣ чувства вдругъ въ душѣ ея взволновались; она перечитала письмо, Баронъ казался ей существомъ свыше человѣчества. И такъ долгу онъ ею жертвуетъ. Какое ей наставленіе! Фердинандъ въ глазахъ ея содѣлался существомъ почтеннымъ, Чѣмъ больше подъ симъ степенемъ его разбирала, тѣмъ больше любовь ея уменьшалась; сновидѣніи начертывали ей дневныя произшествія. Очувствовавшейся ей первый предметъ ее поразившей былъ портретъ ея супруга, висящей на груди ее; отворачиваетъ взоры, озираетъ вновь, разсматриваетъ, и кончилось признаніемъ, что прекраснѣйшаго мущину представляетъ. Но ему польщено, тихо сама себѣ говорила; нѣтъ, даже до его заключенія, онъ на него походить не могъ. Она не мало еще письмомъ занималась, чтобъ мыслить о портретѣ. Снимаетъ съ себя, кладетъ вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностьми, и снова принимается за Фердинандово писаніе, кое почти изъ рукъ

не

не выпускала. Читавши его много разЪ такЪ, какЪ предохранительное средство, ея чувствія перемѣнили свойство свое. Любовь охладѣвала, она разлучалась такЪ съ симЪ чувствованіемЪ, какЪ растаются съ драгоцѣннымЪ другомЪ, коего удержать больше не смѣютЪ. Мало по малу пріобрѣла довольно спокойствія, чтобы пожелать рачительно разсмотрѣть черты портрета, сличить ихЪ съ тѣмЪ мнѣніемЪ, кое о супругѣ своемЪ имѣла. Сіе разсматриваніе ее смягчило. Бѣдной ГрафЪ, говорила она, ты потерялЪ глазЪ толь плачевнымЪ образомЪ! жалость замѣнила отвращеніе; слезы ручьями проливались. КакЪ, вскричала она, взирая на портретЪ, ты не сказалЪ ни одного укоризненнаго слова неблагоразумному виновнику твоего несчастія! выговоривЪ слова сіи, прочла Бароново письмо, поцѣпила кЪ себѣ на шею портретЪ Графской, а письмо положила кЪ своимЪ бриліянтамЪ. Никогда съ себя не снимала: много разѣматривая, столько пріучила

ла себя соглашать мысль о добродѣтеляхъ своего супруга съ его видомъ, которой онъ до того имѣлъ, что неоднократно находила себя портретъ лобызающею.

Находясь въ сихъ разположеніяхъ, родитель ее въ исходѣ осени по обѣщанію своему пріѣхалъ навѣстить. Онъ любопытствовалъ у Гжи Ф*** о мысляхъ своей дочери, которая считала, что она въ прежнихъ пребываетъ; Камергеръ не смѣя принуждать, не говорилъ о своемъ отбытіи. Но передъ самымъ уже своимъ отъѣздомъ, спросилъ у ней не желаетъ ли съ нимъ ѣхать.

Антонія съ давняго времяни ждала сего вопроса. Она закраснѣвшись, сказала, ежели Графъ захочетъ принять меня какъ подругу въ своемъ домѣ, то готова за нимъ слѣдовать. Кемергеръ восхитясь сей неожидаемой перемѣной, отложа на нѣсколько дней свой отъѣздъ, потомъ взялъ ее съ собою. Бракъ былъ обнародованъ. Антонія перешла жить въ домъ своего

супру-

супруга, которой въ публикѣ казался супругомъ, я въ особливости становился братомъ.

Но вскорѣ ея прелести, скромность, тихость, благопристойность, разпоряженіе въ домѣ, вкусъ во всемъ томъ, чтобъ не предпринимала дѣлать, нѣжныя къ супругу своему вниманія, и усердное стараніе ко всему тому, что могло ему нравиться, столько плѣнили Министра, что сдѣлался онъ напстрастнѣйшимъ любовникомъ. Антонія съ своей стороны находила въ Графѣ предметъ всеобщей любви, и всѣ описанныя Фердинандомъ добродѣтели; хотя былъ Министръ, имѣлъ однакожъ истинныхъ друзей, не смотря на права супруговъ, былъ ей братомъ; за нею слѣдовалъ, нъ не надзиралъ; былъ нѣженъ, но не въ тягость. Она сожалѣла объ немъ, что не имѣетъ жены, которая бы его любила, какъ онъ это заслуживалъ, привыкла къ стеклянно-

ному глазу и горбу, и кончила тѣмъ, что стала того женою.

Между тѣмъ Графъ по обыкновенію столько же скроменъ, воздерженъ, считая себя ни мало неспособнымъ къ полученію взаимной нѣжности женщины столько же любезной, какова была его, продолжалъ, хотя ему не мало сіе стоило, тотъ родъ жизни, которой велъ съ самаго ихъ брака. Антонія выговаривала себѣ за неправедныя предубѣжденіи, кои имѣла, въ свою очередь начала мыслить, что лишилась его нѣжности: несправедливымъ то не находила. Но была несчастлива, искала скрывать печаль свою; его портретъ былъ единственнымъ ея утѣшеніемъ; повсядневно удалившись, не имѣла другаго пособія въ мнимой холодности своего супруга, какъ удовольствіе вкушаемое ею въ разсматриваніи онаго. Нѣкогда Графъ засталъ ее въ семъ сладостномъ упражненіи. Будучи тронутъ примѣченною въ ней скорбію, не сумнѣвался, чтобъ ея пе-

печаль умножаема не была какою потаенною страстїю къ подлиннику портрета имъ примѣченнаго. Онъ обожалъ свою супругу; чувствительно ему было видѣть ее страдающую, его сердце раздираясь, предпрїяло однакожъ для нее пожертвовать собою. Сїя мысль возбудила въ немъ смѣлость слѣдовать за нею въ первый разъ въ уединенную ея комнату. Движенїе, кое ощутила она его увидя, подтвердило Графское мнѣнїе. Успокойтесь, дражайшая Графиня, сказалъ ей: я съ тѣмъ прихожу, чтобъ прервать ваши несчастїи: вы любите, я это знаю. -- -- -- Откройтесь мнѣ, чтобъ могъ я устроить ваше благополучїе! вы любите сего счастливаго смертнаго коего портретъ на себѣ носите? Такъ, тихонько и опустя внизъ взоры свои она отвѣчала, и всегда любить его буду. Хорошо! подхватилъ Графъ, удерживая вздохъ свой, надобно прервать печаль вашу, я не могу сносить ее, мнѣ весьма хочется видѣть

вась

васЪ счастливой; будьте свободны; я сіюжЪ минуту пойду кЪ вашему родителю; наши печальныя узы разторгнуты будутЪ. Я васЪ обожаю, но жертвую моею любовью вашему благополучію. Живите сЪ другимЪ счастливо, и помышляйте иногда вЪ обЪятіяхЪ моего соперника о такомЪ другѣ, которой на всегда вамЪ преданЪ будетЪ. Удивленіе, радость, лишили словЪ Антонію; ГрафЪ удалялся; она бѣжала вЪ обЪятіи его повергнуться. ГрафЪ, любезной ГрафЪ, нѣтЪ, ты не пойдешь, и я никогда тебя неоставлю: посмотри портретЪ сей. Я на верху моего благополучія. АхЪ! прости мнѣ тѣ огорченіи, кои тебѣ причинила. Чувствованіи, кои ГрафЪ ощутилЪ озирая живопись, не могутЪ быть изЪяснимы; онЪ бросился кЪ ногамЪ ея. По прошествіи первыхЪ восторговЪ, она разсказала ему подробно описанное выше. Я оставляю моимЪ читателямЪ вообразить какія тому слѣдствія были. Прибавлю токмо

 то,

то, что Король при перьвомЪ разводѣ, обнявЪ Барона А * * *, пожаловалЪ его ПолковникомЪ, и насказалЪ ему все то, что можетЪ быть наиласкательнѣйшаго вЪ разсужденіи его поступка.

ОМАРЪ.

ГЛАВА I.

Омаръ шествуетъ къ мудрецу.

Въ томъ вѣкѣ (когда Магометане, Арабы въ земледѣлїи, наукахъ и коммерцїи упражнялись, а Европейцы раздѣляли свое время между Богословїемъ и кровопролитными бранями), не далеко отъ Богдада жилъ человѣкъ почитавшїйся мудрымъ; при дворѣ Калифовъ занималъ онъ знатнѣйшїя должности, чтобъ имъ измѣнить отказывался сокровищъ ему представляемыхъ, противоборствовалъ ласкающимъ его любимцамъ; и наконецъ сложивъ чины свои удалился къ Персамъ и Индейцамъ познать ихъ тайности и изучиться наукамъ. По возвращенїи изъ путешествїя, уеди-

ненно жилъ въ деревнѣ, занимаясь управленіемъ земледѣлія; вмѣсто отца былъ своимъ подчиненнымъ; благость его ихъ утѣшала, а доставляемыя послѣ трудовъ деревенскія празднества, заставляли забывать оныя. Будучи Астрономъ, Физикъ, наблюдатель и чувствительный человѣкъ, питалъ бѣднаго, подавалъ руку помощи несчастнымъ, а совѣты вопрошающимъ его. Калифъ и Министры не рѣдко ихъ у него требовали, и иногда по онымъ поступали. Исторія не сохранила намъ его имя, она то часто забываетъ, что должна бы предать потомству. Лѣтописи, съ которыхъ я списываю, называли его философомъ. Въ нашемъ вѣкѣ, сіе не означаетъ его рѣдкимъ существомъ; и Абуденекъ (такъ я его называю) дѣйствительно онымъ былъ потому, что былъ счастливъ. Нѣкогда одинъ незнакомецъ требовалъ его видѣть; это былъ младый человѣкъ въ цвѣтущемъ возрастѣ; имѣлъ величественной видъ, глаза живостью пре-

преисполненные, черныя и крутыя брови, откровенное чело и цвѣтъ лица изъявляющее здравіе. Что за причина тебя ко мнѣ приводитъ? говорилъ ему мудрецъ; (ибо великое его уединеніе не привлекало юности). Кто ты таковъ, и чего отъ меня желаешь? Я называюсь Омаръ, и изъ Багдада, отвѣчалъ незнакомецъ; прихожу требовать у тебя совѣтовъ и наставленія: сказывали мнѣ, будто знаніе твое превосходитъ всѣхъ нашихъ протчихъ мудрецовъ. -- Тебя обманули, Омаръ, я весьма меньше ихъ знаю; еслибъ я жилъ долѣе, тобъ можетъ быть зналъ еще меньше: но однакожъ какого познанія отъ меня требуешь?

Омаръ имѣя голову множествомъ вопросовъ наполненную, не зналъ чемъ начать; Абуденекова слава привлекла его къ нему, но онъ противъ чаянія находитъ въ немъ человѣка простаго виду, смиреннаго, благосклоннаго, и непревозносящагося знаніемъ. Съ смятеніемъ наконецъ, сказалъ ему,

я желаю, что бы изъяснилъ ты мнѣ, какъ философъ, начертанiе сего свѣта? больше сего ничего, улыбаясь отвѣчалъ философъ? Скажи мнѣ, Омаръ, видѣлъ ли ты въ Дамаскѣ огромнѣйшiе арсеналы, кои Калифъ нашъ соорудить велѣлъ? что за вопросъ! возразилъ юный человѣкъ; безъ сумнѣнiя я ихъ видѣлъ---! Понялъ ли изъ того, видя дѣлающееся тамъ множество оружiя, планъ военныхъ дѣйствiй Калифскихъ войскъ? какъ можно мнѣ это знать? а какъ же мнѣ, Омаръ, познать начертанiе Создателя?

Отвѣтъ Абуденековъ, удивилъ и огорчилъ Омара, какъ! вскричалъ онъ, такъ я обманутъ? мудрецъ, философъ не больше меня знаетъ! (въ тогдашнее время не было еще въ Багдадѣ книгъ трактующихъ о всеобщихъ наукахъ, а истинные мудрецы вѣрили, что есть причины выше человѣческой сферы). Но, по крайней мѣрѣ, продолжалъ съ робостiю Омаръ; по крайней мѣрѣ, не можешь ли сказать

зать мнѣ, по сотворенію своему человѣки могутъ ли быть счастливы въ семъ мірѣ? . . . -- Я не вѣдаю, Омаръ; единый предвѣчный это знаетъ. Слава превѣчному! -- Ты этого не знаешь? ахъ! да на какой же конецъ сотворены они, печально продолжалъ, младый человѣкъ? . . . -- Чтобъ жить и творить добро. Огорченный Омаръ, имѣлъ предъ глазами своими картину множества добродѣтельныхъ смертныхъ, провождающихъ жизнь въ несчастіяхъ или бѣдности, между тѣмъ какъ другіе не имѣя черты добродѣтелей наслаждались благополучіемъ, почему мудрецовъ отвѣтъ не могъ удовлетворить его. Но на чтожъ сіе различіе, спрашивалъ онъ? Всевышней это знаетъ. Слава Всевышнему, отвѣчалъ Абуденекъ!

Я не смѣю надѣяться, возразилъ тотъ, чтобъ ты сказалъ мнѣ, для чего я несчастливъ. Онъ произнося сей послѣдней вопросъ чувствовалъ себя облегченнымъ; другіе вопросы были подобны первымъ. Тщетно ка-

жутся заблудшимися въ неизмѣримости, возвращеніе самаго въ себя привлекаетъ предметы, казавшіеся отъ онаго наиболѣе отдаленными . . . . Омаръ съ безпокойнымъ желаніемъ ожидалъ, будетъ ли онъ наконецъ отъ философа удовольствованъ.

Я могу тебѣ отвѣчать, Омаръ, естьли разкажешь ты мнѣ всѣ твои обстоятельства: естьли научишь себя узнать, по крайней мѣрѣ скажу, отъ тебя ли самаго несчастіе твое произходитъ.

По истиннѣ нѣтъ, возразилъ Омаръ, я богатъ, имѣю при дворѣ друзей. Наипрекраснѣйшія Богдадскія женщины ко мнѣ не свирѣпы; наслаждаюся всемъ, и между тѣмъ жизнь моя мнѣ въ тягость. Какъ же, и для чего не могу достигнуть я благополучія? . . . ---- ты до того не достигнешь, Омаръ, ежели захочешь лишиться того чѣмъ наслаждаешся, и наслаждаться тѣмъ чего себя лишаешь . . , ---- Отъ меня ли сіе зависитъ, съ досадою прервалъ онъ? Какъ! ты

ты ничего больше сказать мнѣ не въ силахъ? . . . ---- Нѣтъ, Омаръ; лиши себя и наслаждайся. Слѣдуя сему правилу, по крайней мѣрѣ, не будешь творцемъ твоего несчастія . . . Лишиться и наслаждаться, тихо повторялъ Омаръ! . . . Лишеніе и наслажденіе, оставляя Омара, повторялъ философъ.

ГЛАВА II.

Омаръ познаетъ, какъ быть мудрымъ.

Не доволенъ будучи малымъ наставленіемъ, полученнымъ имъ отъ философа, Омаръ сколь ни старался разсуждать, никакого не находилъ смысла во всемъ имъ слышанномъ. Абуденекъ насмѣхается надо мною, говорилъ онъ, или недостоинъ носимой на себѣ славы. Онъ остановился на семъ послѣднемъ мнѣніи, въ досадѣ и мысляхъ предпріялъ путь къ Багдаду. Другъ его Али, молодой безумецъ, встрѣтилъ его погруженнаго

вЪ своихЪ разсужденiяхЪ. АхЪ! здравствуй ОмарЪ, говорилЪ онЪ ему, схватя его крѣпко за руку; откуда идешь столь задумчивЪ? видно нѣкоторая изЪ твоихЪ красавицЪ безЪ сумнѣнiя тебѣ измѣнила? Забавной Алïевъ видЪ весьма не согласовался сЪ ОмаровымЪ положенiемЪ, чтобЪ пресѣчь его насмѣшки; холодно, сказалЪ ему, что идетЪ отЪ Абуденека . . . . . ты, ОмарЪ! ---- и! вЪ твоихЪ лѣтахЪ какое дѣло тебѣ у философа? что хочешь ты дѣлать изЪ премудрости,?

Мудрости, возразилЪ ОмарЪ! нѣтЪ я желалЪ токмо благополучïя, сЪ трудомЪ вЪ томЪ признаваюсь, Али; я не доволенЪ своею участью . . . --- --- ---

Твоею участью, ОмарЪ! развѣ твоею головою. Натко, другЪ мой; понюхай чхательнаго порошку; этого-то тебѣ надобно. Но однакожЪ, что дѣлалЪ ты у Абуденека? . . -- -- -- я вопрошалЪ его, надѣясь, что научитЪ меня быть благополучнымЪ . . . --- чтожЪ вѣщалЪ тебѣ ОракулЪ? . . -- -- я его не понялЪ, тихо произнесЪ ОмарЪ

Омаръ . . . О! этого я и ожидалъ, смѣясь подхватилъ Али; вотъ мнимыя наши великіе люди! я считалъ у тебя быть больше благоразумія, Омаръ! по чести! объ закладъ стану биться, что въ одинъ годъ естьли захочу, прослыву величайшимъ философомъ въ свѣтѣ.

Омарово огорченіе мѣшало ему заниматься таковыми разговорами. Али былъ такое твореніе, которое во Франціи верченымъ называютъ. Какъ Багдадъ не былъ столь просвѣщенъ, то не наложили еще на него толь славнаго имяни. Но Омаръ знавъ его легковѣріе, привязанность къ забавамъ, находилъ начертаніе его философіи довольно веселымъ, потому и усумнился, чтобъ онъ при завтракѣ своемъ не преступилъ законъ Магометовъ . . . --- Молчи, Омаръ, я знаю, что говорю . . . --- Какъ же произведешь въ дѣйство сіе чудо? . . . --- Какъ? нѣтъ ничего легче . . . --- что уже было употребительно я сдѣлаю напротивъ, установлю системы, стану опо-

опорочивать другія, съ видомъ важнымъ, рѣшительнымъ, со странными ухватками, наконецъ, темность въ моихъ разговорахъ, непостижимость въ дѣйствіяхъ. Я кленусь, Омаръ, Магометовымъ раемъ, что сею методою удастся мнѣ обольстить умовъ не мало; она безсумнѣнія такаяжъ, что и Абуденекова . . . но однакожъ, что сказалъ тебѣ сей славный человѣкъ?

Омаръ былъ благоразумнѣе Алія, однакожъ досадуя на свое посѣщеніе признался ему, что начинаетъ и онъ сумнѣваться въ великой Абуденековой славѣ, и что она не имѣетъ можетъ быть хорошаго основанія. Ибо, прибавилъ онъ, совѣтуя мнѣ расточеніе и наслажденіе, я не понимаю, что чрезъ сіе хотѣлъ онъ сказать. Ни я также, смѣючись отвѣчалъ Али, прощай Омаръ, будь здоровъ, великій нашъ пророкъ, да соблюдетъ твой разсудокъ! выговоря сіе, его оставилъ, считая себя счастливымъ, что не такъ глупъ какъ Омаръ, и мудрецъ

его.

его. Онъ посѣтилъ одну красавицу, наутріе возвратился домой боленъ. Омаръ тихими стопами продолжалъ путь свой, пришелъ къ себѣ, злобствуя на свою участь, на другой день всталъ здравъ и благополученъ.

ГЛАВА III.

Омаръ причиняетъ смерть своей супругѣ.

Омаръ по внѣшности своей имѣлъ все то, чѣмъ можно быть счастливу: молодъ, пригожъ; Багдадскія дѣвицы въ пѣсняхъ своихъ называли его розою желаній, гвоздикою наслажденій, фіалкою сновъ утреннихъ, безмѣрно богатъ; палаты его, хотя меньше пространствомъ Калифовыхъ, однакожъ имѣли больше вкусу и пріятностей. Часто жилища великихъ людей удовлетворяютъ больше гордости, нежели истиннымъ спокойствіямъ; но Омаровы палаты все сіе въ

себѣ

себѣ соединили. Здравъ, бодръ, счастливъ въ любви своей, обожаемъ красавицами, коихъ онъ любилъ, какъ же Омаръ не могъ быть довольнымъ? Алія; признаваютъ, говорилъ онъ, за дурака; однакожъ Абуденекъ не столь же мудръ, какъ носится слава; я никакого плода не получилъ отъ его совѣтовъ; даже ихъ и не понялъ. Посмотримъ, найду ли я въ объятіяхъ Фатимы то благополучіе. Онъ идетъ къ оной; наслаждаясь всѣми любовными любострастіями, вскорѣ по ней и ею токмо дышалъ; и тысячу разъ кричалъ онъ, я счастливъ, Фатима, съ тобою нахожу я благополучіе. Протекли три мѣсяца, и Омаръ единую токмо нашелъ скуку. Цѣлой Багдадъ завидывалъ ему во обладаніи прекрасной Фатимы; а онъ завидывалъ цѣлому Багдаду, что имѣли сіе желаніе. Присудствіе сей красавицы возобновляло молодость въ старикахъ; Омаръ печально потуплялъ свои взоры; младые люди краснѣли отъ удовольствія, когда токмо могли дотронуться ея оде-

одежды, между тѣмъ какъ Омаръ при малѣйше оказанномъ ею къ нему знакѣ нѣжности, блѣднѣлъ какъ мертвой. Она примѣтила его холодность: вскорѣ скрытая печаль пожираетъ такія прелести, каковыя ни какая кисть изобразить намъ не можетъ. Законъ Пророковъ дозволялъ Омару искать съ другою красавицею, тѣ наслажденіи, каковыя обладаніе Фатимою ему не доставляло больше; но бывъ весьма нѣженъ, чтобъ озлобленіе сіе прибавить къ печали ею ощущаемой о его невѣрности, рѣшился онъ, что отсудствіемъ своимъ удастся ему возстановить равнодушіе и спокойствіе Фатимино. Онъ поѣхалъ въ Персію и Сирію, въ томъ намѣреніи, чтобъ самому ему осмотрѣть тамъ свои заведеніи. Вѣрные и разумные управители оными управляли; онъ нашелъ, что пріобрѣли ему безчисленныя суммы денегъ: примѣтилъ, что нѣчего ему тамъ дѣлать ни желать. Безпрестанно думая, мысля и скучая по двулѣтнемъ путе-

путешествіи предпріялЪ намѣреніе ѣхать вЪ БагдадЪ обратно. ВЬ недальнемЪ уже отЪ онаго былЪ разстояніи, какЪ встрѣтилЪ ѣхавшаго кЪ нему вѣстника сЪ извѣстіемЪ о смерти любезной Фатимы; она стала жертва своея печали, сокрушеніе произходившее отЪ оной ее похитило. Существовали еще нѣкогда вЪ Багдадѣ постоянныя женщины, Фатима до послѣдняго своего дыханія была оною. ОмарЪ отЪ сей плачевной вѣдомости какЪ громовою стрѣлою пораженный, чувствовалЪ учиненную имЪ потерю. Онѣмѣлая душа его по продолжительномЪ благоденствіи возпріяла свою силу; Фатима величайшимЪ стала его добромЪ, сЪ тѣхЪ порЪ какЪ услышалЪ о ея смерти. Небо! вскричалЪ онЪ, какимЪ рокомЪ, я ея убійца, я и послѣднѣйшему изЪ моихЪ невольниковЪ не причинялЪ зла? Я причиною смерти любезнѣйшей изЪ женщинЪ! Фатима, ты единою токмо любовію и благоразуміемЪ дышала! какЪ! вЪ цвѣтущихЪ твоихЪ лѣтахЪ

отЪ

отъ печали прекратила дни свои! и я то нанесъ тебѣ ударъ смертельный! безъ сего злосчастнаго путешествія могъ бы сохранить тебя! Абуденекъ, имѣлъ ли ты разсудокъ? Фатима жила, Фатима добро творила; но для благополучія ли сотворена была? Превѣчный это знаетъ!... — А я, я потерялъ все!

ГЛАВА IV.

Общества.

Пожираемый печалью, Омаръ пришелъ въ домъ свой отдать послѣдней долгъ драгоцѣннымъ остаткамъ нѣжныя своея жертвы. Великолѣпно воздвигнутый имъ Мавзолей, вѣчными учиняла его соболѣзнованіи, нѣсколько облегчая печаль его. Тогда въ Багдадѣ имѣли ужъ нѣкоторыя понятіи о чувствительномъ родѣ; нѣкоторой славный врачь оный ввелъ, и естьлибъ былъ онъ позванъ къ Фатимѣ, то прогнала бы она печаль свою тѣми способами, кои онъ доставлять умѣлъ, и неподпала бы ударамъ оной.

оной. Омаръ далъ отчаянію своему свободу; смерть жены его казалась рѣдкимъ примѣромъ жителямъ Багдада; но образъ, каковымъ Омаръ оплакивалъ свои потери, былъ еще для нихъ чрезвычайнѣе. Онъ питался печалью, угождалъ своей задумчивости; все въ рукахъ его становилось урнами, знаменованіями, причинами вѣчныхъ слезъ и безъутѣшности. Безразсудной Али узнавъ о разныхъ дѣйствіяхъ сей чувственной пачали, пришелъ къ нему, не для того, чтобъ оную раздѣлить съ нимъ, но чтобъ привесть его въ самого себя. Всегда одинъ, Омаръ, говорилъ ему? полно, оставь сіе уединеніе. Почести! ты все то дѣлаешь, что можетъ дѣлать тебя несчастнымъ. Не нашелъ ли ты благополучія, Али, воздыхая, говорилъ ему Омаръ? . . . ---- что за вопросъ! вотъ, Омаръ, естьлибъ не проклятая моя подагра и кашель, то съ Калифомъ не помѣнялсябъ . . . ---- отъ чегожъ въ твои лѣта, Али, сія подагра и кашель? . . . ---- къ чему изслѣдованіи; естьли тебѣ угодно, отвѣ-

отвѣчалъ смѣючись Али: пойдемъ, Омаръ, послѣдуй мнѣ: я не охотникъ въ чужїя дѣла мѣшаться, однакожъ не могу далѣе видѣть тебя въ семъ состоянїи. Всему Багдаду извѣстны уже твои соболѣзнованїи, надобно ихъ кончить. Пойдемъ, повѣрь мнѣ, и старайся жить по моему . . . ---- чтобъ достать такую же подагру, улыбаясь, сказалъ ему Омаръ. --- Дурачество, подхватилъ Али! . . . однако нѣтъ нужды, говори что хочешь; и подагра также не худо. Я ощущаю въ двое здравое состоянїе, когда оная нѣсколько меня помучивъ, оставляетъ; пойдемъ. Не выслушавъ его отвѣта, Али увлекаетъ друга своего въ многочисленное собранїе, состоящее изъ всего блестящаго Багдадскаго общества. Смѣялись, шутили, пѣли; были довольны, или казались таковыми быть. Видъ шумныхъ утѣхъ весьма подходитъ къ существительнымъ. Омаръ сему повѣрилъ; сердце его разгорѣлось лучами удовольствїя, которое думалось ему видѣть сїяющимъ въ глазахъ совершенствующихъ;

щихЪ; онЪ признался своему другу, что стало ему лучше, сталЪ учащать вЪ сiи веселыя сборищи; и нѣсколько разЪ на оныхЪ побывши, обнималЪ Алiя, и благодарилЪ его, что научилЪ наслаждаться прiятностями жизни. Тотчасъ принялЪ намѣренiе имѣть великолѣпно убранной домЪ, и наконецЪ думалЪ, что достигЪ уже благополучiя. Французскiе повара не имѣли еще изключительнаго права хитростными своми подливками повреждать человѣческое здоровье. ОмарЪ выписалЪ ихЪ отЪ двора ГреческихЪ ИмператоровЪ: СтолЪ его былЪ открытЪ; пиршества непрерывались. Палаты его содѣлались храмомЪ роскоши, добраго вкуса, жилищемЪ всѣхЪ БагдадскихЪ тунеядцовЪ и льстецовЪ. ОмарЪ находилЪ себя счастливымЪ для того, что ие имѣлЪ еще времяни припппи вЪ себя; но у него были повара; и врачи долженствовали быть неразлучно сЪ ними. СонЪ его сталЪ не спокоенЪ, вставанье тягостно, голова тяжела, замѣшана. НачиналЪ помнить, что часто посреди

ди веселыхъ сихъ сборищъ ему скучалось; бывалъ простымъ зрителемъ тогда, когда кущали его собесѣдники: наконецъ, примѣтилъ себя зевающаго въ самомъ жару ихъ смѣха. Ночь проведенная въ нарушеніи Магометова закона, къ совершенству привела омерзеніе его и болѣзни, пріобщая къ тому раскаяніе. Удручаемъ будучи невоздержностью, которую попускалъ себѣ изъ угожденія нѣкоторымъ младымъ господчикамъ, нѣкогда за столомъ почувствовалъ болѣзнь; одинъ изъ друзей его хотѣвъ ему помочь, проглотилъ большую кость, отъ чего лишился жизни. Цѣлый Багдадъ его оплакивалъ, потому что онъ былъ судьею, никогда не бралъ взятковъ и не утѣснялъ бѣднаго.

ГЛАВА V.

Омаръ находитъ опять Абуденека.

Неутѣшимый и отягчаемый симъ печальнымъ приключеніемъ, Омаръ лишилъ бы себя жизни, естьлибъ мода

сїя владычествовала тогда въ Багдадѣ, такъ какъ днесь оная царствуетъ на брегахъ Темзы и Женевскаго озера. Свѣтъ сталъ ему противенъ, сердце раздиралось ужаснѣйшею мыслїю, что былъ причиною смерти хотя недоброволько, прекраснѣйшей изъ женщинъ и наилучшаго изъ человѣковъ. Не хотя еще обезумѣть, ссылаясь на свое здоровье, заперъ свои палаты, и удалился въ деревню въ маломъ растоянїи отъ Абуденекова жилища находящуюся. Омаръ убѣгалъ всѣхъ смертныхъ: но нѣкогда встрѣтившись съ философомъ, замѣтилъ участїе, съ которымъ Абуденекъ, казался ему, его признавалъ: онъ подробно разсказалъ ему, какой велъ родъ жизни, со времяни его съ нимъ свиданїя. Сострадательное вниманїе, являемое ему мудрецомъ, возжгло въ смутной душѣ его легкую надежду. Какъ онъ кончилъ свое приключенїе; приди завтрѣ ко мнѣ, говорилъ ему мудрецъ, мы постараемся облегчить твои мученїи. Говоря сїе его оста-

вилъ

вилЪ : ОмарЪ на сей разЪ будучи довольнѣе перваго своего сЪ нимЪ свиданія, возвратился кЪ себѣ. Пріѣхавши вѣстникЪ увѣдомилЪ его, что роскошной Али вЪ послѣдствіи одного празднества, вовлекЪ сЪ собою во гробЪ проклинаніе пятидесяти заимодавцевЪ пришедшихЪ чрезЪ сіе вЪ бѣдность, потому что оставилЪ послѣ себя долги неоплатимые. Только вЪ первой разЪ, ОмарЪ почувствовалЪ удовольствіе быть богатымЪ, и благодаря Всевышняго, что вЪ силахЪ исправить несправедливость своего друга, онЪ обязался платить за него, и спалЪ спокойнѣе; а вЪ назначенный часЪ наутріе прибылЪ кЪ Абуденеку. Я разсуждалЪ, говорилЪ ему сей, о вчерашнемЪ, тобою мнѣ сказанномЪ, но нынѣ какой планЪ жизни принялЪ ты ОмарЪ? ---- Я молюсь безсмертному, ссужаю и даю неимущему; но самому себѣ втягость и проклинаю бытіе свое. --- ОднакожЪ, ОмарЪ, превѣчный сотворилЪ тебя; дѣла твои начертаны вЪ его жизненной книгѣ.

 АхЪ!

Ахъ! развѣ властелинъ я въ моихъ дѣянiяхъ, вскричалъ Омаръ? Я страдаю, когда увижу страдающаго послѣдняго изъ моихъ невольниковъ: не я ли былъ причиною смерти двухъ существъ стоющихъ больше меня? -- Мы, говорилъ Абуденекъ, созданiе Всевышняго: слава Всевышнему! --- Такъ, отвѣтствовалъ Омаръ, я его славлю; но скажи мнѣ, по что не могу быть я счастливъ! --- Лишись, чтобъ наслаждаться, Омаръ; --- ты ужъ мнѣ это сказывалъ, и сiе не понятно, возразилъ тотъ. ---- Дѣла мои меня требуютъ, говорилъ философъ, внучка моя вразумитъ тебя.

ГЛАВА VI.

Юная дѣвица.

Омаръ въ первомъ свиданiи видѣлъ Ремиру; она показалась ему пригожею дитятею, прелестьми преисполненною; но столь еще младою! по истиннѣ, говорилъ онъ, философъ

во зло употребляетъ мою повѣренность. Для моего изученія отослать меня къ дитяти! вѣ моемъ положеніи, она даже и разговорить меня не можетъ. Онъ почти ужъ покушался итти домой, какъ Ремира къ нему предстала. Еслибъ въ сію минуту, Омаромъ не обладала досада, поразила бы его скромная вольность, простое краснорѣчіе, пріятность въ поступкахъ ея и одеждѣ. Ей отъ дѣда препоручено было удержать Омара обѣдать. Не очень пріятнаго онъ будетъ имѣть собесѣдника, говорилъ Омаръ, готовившейся уйти. Онъ этого не подумаетъ, смѣючись отвѣтствовала; между тѣмъ какъ занимается онъ своими дѣлами, пойдемъ Омаръ прогуляться въ мой малинькой садикъ. Откровенность, Ремирины прелести возвратили Омару обыкновенное его снисхожденіе: онъ послѣдовалъ за нею въ небольшую загородку, въ которой она обработывала землю; съ удовольствіемъ удивлялся царствующему тамъ порядку, разли-

чности растенiи и вкусу въ разсаживанiи оныхъ. Двѣ доски были выломлены; надобно ихъ опять врыть въ землю, говорила она; еслибъ захотѣлъ ты мнѣ помочь, до обѣда бы это сдѣлали. Онъ на это согласился. Сей трудъ былъ для него новъ и казался ему забавнымъ. Но солнце горячими своими лучами ударяло въ голову двухъ сотрудниковъ. Омаръ спрашивалъ нѣтъ ли въ окружности источника. -- Есть, говорила Ремира; но не окончавши работы недостанетъ у тебя бодрости пить. Омаръ просилъ. Ремира, съ усмѣшкою Грацiевъ была неупросима. Едва только окончилась работа, она сама побѣжала сыскать ему чемъ утолить жажду. Ты съ удовольствiемъ пьешь, говорила ему она съ лукавымъ видомъ! -- Никогда Нектаръ не казался мнѣ столько же вкусенъ какъ сiя вода, отвѣтствовалъ Омаръ, которой въ Ремирѣ не преставалъ дитя видѣть. Пойдемъ, прибавилъ онъ, подъ тѣнью сихъ трехъ пальмъ успокоимся.

ся. -- Погоди еще, Омаръ, сказала пригожая плутовка, мнѣ хочется прогуляться, да и тебѣ надобно это сдѣлать. Какое своенравіе! думалъ онъ; но уступилъ мнѣнію, что юность имѣетъ свои странности; и не смотря на жгущей ихъ обѣихъ солнечной жаръ, пошелъ съ нею. Она показывала ему свои цвѣтки, разсказывала объ нихъ исторію, и казалась предпочитающею тѣ, за коими хожденіе больше труда требовало. Примѣтя наконецъ, что Омаръ усталъ нарочито, привела его подъ пальмы. Вотъ мы здѣсь, говорила ему, какъ тебѣ подъ сею тѣнью кажется? Признайся, малинькое противорѣчіе, которое ты давича имѣлъ, не умножаетъ ли твоего удовольствія? -- Согласенъ, сказалъ Омаръ, признательнымъ голосомъ, и я думалъ бы, пригожая Ремира. . . Приходъ Абуденековъ прервалъ его. Философъ усмѣхался, видя его въ удовольственномъ видѣ; Омаръ признавался что послѣ трудовъ успокоеніе казалось ему сладо-

достнѣе. Хорошо, возразилъ философъ! продолжай Омаръ, и ты научишься наслаждаться. -- Какъ, вскричалъ тотъ, богатства мои, женщины, общество, столько же будутъ имѣть прелестей какъ подъ сею тѣнью въ сїю минуту? -- Я въ томъ не сомнѣваюсь, другъ мой, отвѣчалъ ему мудрецъ, если послѣдуешь совѣтамъ нашимъ; болѣзнь твоя общественна богатымъ; однакожъ она не неизлечима.

Но если ты говоришь истинну, и если не шутишь мною, говорилъ Омаръ, то научи меня какъ мнѣ приступить къ тому?

Такъ какъ нынѣшняго утра Ремира заставила тебя дѣйствовать, дабы сїю тѣнь найти прїятною. Припомни себѣ Омаръ, что нѣтъ никакого наслажденїя безъ лишенїя. Превѣчный изъ сего правила содѣлалъ основанїе нашему существованїю, и величайшїя наши роскоши суть послѣдствїя сего закона; чтобъ знать цѣну наслажденїй, вѣдай ощущать потерю

терю онаго. Умѣй желать безъ нетерпѣливости, и ты насладишься безъ отвращенія.

ГЛАВА VII.

Омаръ находитъ благополучіе.

Обѣдъ готовъ, они входятъ. Столъ чисто и просто снабденный вкусно изготовленными яствами, но безъ излишества, пріятной разговоръ, и Омаромъ полученный аппетитъ, заставилъ его предпочесть оный пышнѣйшимъ Калифскимъ пирамъ; онъ признавался, что такъ довольнымъ никогда не бывалъ; его просили не оставлять своимъ посѣщеніемъ, онъ это обѣщалъ и сдержалъ слово.

До того Ремира и Омаръ видались какъ друзья, смотрѣли на себя свободно, безъ принужденія говорили, даже дружески сжимали себѣ руки; но Абуденекъ примѣтилъ, что съ нѣкотораго времени Ремира въ присудствіи Омаровомъ потупляла взоры, и что сей также при ней говорилъ

рилЪ меньше. Нѣкогда онЪ оставилЪ ихЪ на единѣ; разговорЪ прервался; имЪ немалаго времени нужно было кЪ объясненію. ОмарЪ вдругЪ упадаетЪ кЪ ногамЪ ее, беретЪ руку, прерывающимся голосомЪ заклиналЪ ее отгадать то, что объявить не осмѣлится. Смущенная Ремира желаетЪ чтобЪ всталЪ. ОнЪ страшится, что ее озлобилЪ, вЪ отчаяніи испрашиваетЪ поцѣлуя вЪ залогЪ своего прощенія. Со всѣмЪ было получилЪ просимое, вдругЪ его отталкиваютЪ. ОмарЪ, забылЪ мудрецовы совѣты, проситЪ, заклинаетЪ, даже сердится на то, что называетЪ своенравіемЪ. Ты несправедливЪ, ОмарЪ, сЪ тихостію говорила ему Ремира; я тебя узнала, люблю; однакожЪ боюсь удовлетворить твоему желанію. ОмарЪ ропталЪ, Ремира улыбалась; пришествіе старца окончило скорое но изЪяснительное явленіе открывшее чувства ихЪ.

За столомЪ разговаривали о разныхЪ предметахЪ. ВсѣмЪ извѣстно, что

что знатные люди дѣлаютъ множество вещей, которымъ удивляются; между прочимъ сказалъ старецъ, иностранцы не могутъ довольно надивиться великолѣпнымъ аллеямъ, Багдадъ окружающимъ, а проклинаютъ мерскія мостовыя находящіяся въ городѣ. На примѣръ, Смаръ, я никогда не прохожу мимо палатъ твоихъ, даже посреди бѣла дня, чтобъ не вывихнуть себѣ ногу. Омаръ занимамаясь Ремирою не отвѣтствовалъ на вопросъ, а говорилъ ничего незначущими словами. Что тебѣ сдѣлалось, продолжалъ Философъ? Омаръ воздыхалъ, потуплялъ взоры, наконецъ признался въ произшедшемъ. Доброй старецъ озирая ихъ, ласкалъ Ремиру, благодарилъ ее за наставленіе, каковое подавала Омару. Ремира хорошо тебѣ путеводствуетъ, говорилъ онъ, отъ нея одной долженъ ты зависѣть. Въ семъ случаѣ, сказала ему прекрасная дѣвица, когда велишь ты исправить ту улицу гдѣ твои палаты, то доставлю сіе награжденіе.

Омаръ

Омаръ летитъ въ Багдадъ, испрашиваетъ у Калифа позволенiе, и получаетъ похвалу отъ цѣлаго города, приказываетъ работать, забываетъ свою задумчивость, занимается, считаетъ часы, минуты; по прошествiи двухъ мѣсяцовъ приходитъ и получаетъ отъ Ремиры поцѣлуй; признается, что никогда не имѣлъ толикаго удовольствiя. Испрашиваетъ другой, надобно заслужить: не прежде какъ чрезъ три года отъ перваго любви своей объявленiя, изпросилъ позволенiе жениться на Ремирѣ. Она научила его наслаждаться всемъ безъ пресыщенiя. Десятилѣтнее съ нею соединенiе ни мало не умалило любви его; она обладала искусствомъ оную оживотворять. Лиши себя чтобъ лучше наслаждаться, говаривала ему. Онъ слѣдовалъ ее совѣтамъ и былъ счастливъ.

КТО ЗНАЕТЪ НЕ КЪ ЛУЧШЕМУЛЬ?

Госпожа Ван-Блуйшенъ, вышедшая за мужъ за одного богатаго Амстердамскаго купца, въ дватцатилѣтней свой съ нимъ союзъ, потеряла (противъ своего желанія) надежду имѣть дѣтей. Супругъ ея былъ малаго росту, весьма толстъ, и при всемъ томъ такого флегматическаго сложенія, (что даже между самыхъ своихъ земляковъ почитался существомъ чрезвычайнымъ), тогда токмо скидывалъ свой шлафорокъ, когда шелъ въ церковь или на биржу; безпрестанно курилъ табакъ; въ контору свою ходилъ больше по привычкѣ, нежели заниматься дѣлами; оставшееся за тѣмъ время было часами насыщенія, питья чая и сія гово-

ворка, (которую пронзносилЪ однимЪ духомЪ), хотя часто очень не кЪ стати, *кто знаетъ не къ лучшемуль* ? ВЪ прочемЪ, цѣлые проходили дни, что не произносилЪ двухЪ словЪ; бывЪ доволенЪ своимЪ существованїемЪ мало безпокоился о существованїи другихЪ, равно и о внутреннихЪ несогласїяхЪ раздирающихЪ отечество его. Гжа Ван - БлуйтенЪ во всемЪ на своего супруга непоходила; была высокаго и стройнаго стана, сухощава, имѣла прекрасные зубы и руки, свѣжей вЪ лицѣ румянецЪ, и такїя маленькїя ножки, каковыхЪ у землячекЪ ея не бываетЪ; она не только могла почесться пригожею Голандкою, но и прекрасною женщиною. БывЪ воспитана вЪ Валансїанѣ, заняла обхожденїе ФранцузовЪ; рѣзва, вспыльчива; сердцежЪ, какЪ у ней такЪ и у Флегматика ея мужа, было лучшее вЪ свѣтѣ, превосходнѣйшее предЪ нимЪ имѣла воспитанїе, играла на клависи-нѣ хорошо, и со вкусомЪ пѣла Французскїя арїи, любивши свѣтЪ и утѣ-

хи онаго, должно посудить, чего ей стоила уединенная жизнь, каковую молчаливой нравъ ея мужа казался требовать. И часто охота говорить, когда ей на это не отвѣчаютъ, бранить за что не сердятся, выводила ее изъ себя, и влекло къ упрекамъ, на которыя обыкновенный былъ отвѣтъ: *кто знаетъ не къ лутшемуль?*

Не смотря на разность Характеровъ, они сколь хорошо только и худо, вмѣстѣ достигли своей осѣни; Госпожа Ван-Блуйтенъ лишившись со всѣмъ надежды имѣть дѣтей, приняла къ себѣ на воспитаніе одну молодую свою племянницу, къ которой приложила все свое стараніе и воспитаніе собой полученное; но чтобъ привесть ее въ совершенство, приняла къ себѣ въ помощь младаго человѣка, пріѣхавшаго не давно изъ путешествіи, которой краснорѣчіемъ своимъ и поступками, пріобрѣтенными имъ во время нѣсколькихъ недѣль пребыванія своего въ Парижѣ, ей понравился.

Часто бываетъ, что рачительнѣйшія воспитанія удаются весьма мало. Ничто больше не оцѣнено на сей случай какъ Теорія и практика. Но сіе совершенно соотвѣтствовало тому чему должно быть: учитель такое прилагалъ усердіе въ наставленіи ученицы, что въ концѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ, станъ юной Нанси возвѣстилъ учиненныя ею успѣхи. По искреннемъ признаніи, какое сдѣлала она своему Мантору о успѣхахъ задачь его, сіе откровеніе принудило его скрыться, боясь чтобъ Госпожа Ван-Блуйтенъ узнавъ сіе произшествіе, не похулила его, что далѣе простеръ свое знаніе нежели сколь она того желала. Сія отлучка ее удивила: ничего еще не подозрѣвая, не могла понять для чего удалился онъ изъ такого дома, въ которомъ весьма хорошо былъ принятъ, и по какой причинѣ лишилъ себя добровольно плодовъ благодарности, каковою почитала она себя быть ему обязанною. Вскорѣ состояніе ея племян-

мянницы изъяснило задачу; небо и адъ были призываны къ наказанію бѣдняка, во зло употребившаго ее великодушіе, но неблагоразумную повѣренность. Находясь въ жестокомъ положеніи требующемъ утѣшенія и совѣтовъ, часъ питью чая приближился, и Г. Ван-Блуйтенъ достигалъ уже медлительными стопами, послѣднія ступени всходимой имъ лѣсницы, какъ супруга его внѣ себя, бѣжала къ нему на встрѣчу, съ воздыханіемъ и прерывающимися словами, разсказывала ему о безчестіи, причиненномъ племянницѣ ея и дому, пріобщая къ тому, все то, что только возможетъ внушить величайшій гнѣвъ и огорченіе. Господинъ Ван-Блуйтенъ казался выслушивающимъ ея повѣствованіе, но съ такимъ безпристрастіемъ какъ будто слышимое имъ случилось въ какой другой провинціи. Если спокойствіе и разсудокъ утишаютъ страсти, то великая беззаботливость и флегма произвела со всѣмъ противное дѣйствіе.

Госпожа Ван-Блуйтенъ усугубила свои ругательства какъ противъ начинщика всему злу, такъ и противъ тихаго своего супруга, котораго сочла къ тому нечувствительнымъ; вершила тѣмъ, что ему слѣдуетъ мстить за честь своей племянницы. Сіе объявленіе подобно первому оставалось безъ всякаго отвѣту, отъ чего въ пущую пришедши запальчивость, спрашивала его что онъ о томъ мыслитъ? -- *Кто знаетъ не къ лутшемуль?* отвѣчалъ онъ. Пословица не была еще договорена, какъ Ван-Блуйтенъ гораздо поспѣшнѣе полетѣлъ съ лѣсницы, нежели произносилъ рѣчь свою, которая въ семъ случаѣ казалась совсѣмъ не кстати; ибо трудно угадать, какое бы добро отъ беременности его племянницы произойти могло, равно какъ и случая переломившаго ему лѣвую руку. Госпожа Ван-Блуйтенъ крайнѣ опечалилась отъ сего нечаяннаго приключенія произшедшаго отъ жаркихъ ея пріемовъ, кричала и призывала на по-

помощь, со всѣмъ тѣмъ огорченіемъ какое чувствуютъ добрыя сердца, содѣлавъ невольное преступленіе. Сильно раскаевалась въ своей запальчивости, отъ того больще что, хотя въ сію минуту мужъ ея не произносилъ своей любимой пословицы, однакожъ не дѣлалъ ей ни малаго упрека, а жаловался токмо на боль имъ ощущаемую; при семъ случаѣ почувствовала, что иногда весьма не дурно имѣть мужа таковаго нрава; и сія мысль умножила ея заботы, въ прилагаемыхъ къ нему стараніяхъ; избрала весьма искуснаго лѣкаря къ поправленію зла, собой причиненнаго и Господинъ Ван-Блуйтенъ гораздо не прежде былъ вылеченъ, нежели племянница его, пріобрѣла опять прекрасной станъ свой.

Нетерпящія отсрочки, и не предвидимыя по коммерціи обстоятельства, требовали, чтобъ Ван-Блуйтенъ пріѣхалъ въ Индію. Какое не имѣлъ онъ омерзеніе къ столь трудному путешествію, однакожъ не могъ

препоручить другому исполненія сего дѣла. По своему нраву, не много бы безпокоился послѣдствіями своего нераченія; но супруга его не была сего мнѣнія, она успѣла въ томъ, употребляя собственную его пословицу, что несмотря на свое упорство, рѣшился самъ ѣхать. Двѣ причины побуждали Гжу Ван-Блуйтенъ къ сему дѣйствію: она надѣялась, что путешествіе содѣлаетъ мужа ея дѣятельнѣй, и во время отсудствія его, мыслила нѣсколько уврачевать несчастіе своей питомицы, будучи чрезъ мѣру скора; получить согласіе своего супруга, приготовить все принадлежащее къ путешествію и спѣшить его отъѣздомъ было дѣломъ нѣсколькихъ дней. Снабдя себя всемъ нужнымъ, Ван-Блуйтенъ при хорошей погодѣ, обѣщавающей ему счастливое плаваніе, сѣлъ на судно. Имъ въ нѣсколько токмо дней оставалось прибыть въ назначенное мѣсто, какъ жестокая погода прибила корабль ихъ къ сѣверной сторонѣ острова Борнео, къ берегу сей слав-

ной

ной горы извѣстной подъ имянемъ горы Святаго Петра, обитаемой дикими, называемыми Оран - Ейдхансъ, которые вѣрили, что нѣтъ ничего лучше къ почитанію того божества, коему они покланялись, какъ на олтаряхъ его проливать человѣческую кровь. Всякой житель того народа, долженствовалъ въ жизнь свою, по крайней мѣрѣ хотя одинъ разъ исполнить сію варварскую жертву. Худое состояніе судна, послѣ бури, требовало починки; чтобъ его исправить, и для разныхъ надобностей экипажа, послали осмотрѣть берегъ; и какъ оной казался всемъ изобильнымъ, то сошли на землю, и Ван-Блуйтенъ съ другими отправился также, чтобъ отдохнуть отъ морскихъ безпокойствъ. *Ну къ чемубъ это могло быть лучшее?* говорилъ онъ, вздыхая, задыхаясь, куря свою трубку, и слѣдовалъ медлительными шагами за своими товарищами, которые бывъ лучшіе пѣшеходцы нежели

 онъ,

онъ, съ четверть мили находились уже внутри острова, какъ вдругъ оставшись одинъ, увидѣлъ себя окруженнымъ дикими, кои схватя его, не смотря на сопротивленіе и крикъ, утащили съ собою. Приспѣла помощь, но число дикихъ ежеминутно умножалось, товарищи его разсудили заблаго возвратиться поспѣшно на судно, и собравшись во множайшемъ числѣ, и по лучше вооруженные, надѣялись успѣть ему помочь, но тщетно; ибо не знавши положенія той страны, несмѣя пуститься во внутренность; все что они не предпринимали стало безполезно, и такъ оставили бѣднаго Ван-Блуйтена худой его участи, кою считали неминуемою, ибо встрѣтившійся имъ Англинскаго корабля Капитанъ знавшій сіи страны, увѣрялъ, что жребій его уже опредѣленъ. Пожалѣя, опасались, что опасно долѣе пребывать на сихъ варварскихъ берегахъ; и сколь скоро корабль былъ починенъ, при способ-

номъ

номЪ вѣтрѣ пустились вЪ море ; и вЪ нѣсколько дней прибыли благополучно вЪ назначенное себѣ мѣсто.

Ван - БлуйтеновЪ КоммисїонерЪ сколько возможно замѣнялЪ отсудствующаго своего хозяина, и кончивЪ дѣла, возвратился вЪ Голландїю принесть печальную вѣдомость о трагическомЪ концѣ его. МожетЪ быть подумаютЪ, что Гжа Ван - БлуйтенЪ сЪ удовольствїемЪ получила сїю вѣдомость , или покрайности свободно утѣшила себя вЪ семЪ ужасномЪ приключенїи. Со всѣмЪ нѣтЪ, забывЪ недостатки его, различїе нравовЪ и неудовольствїе отЪ того ей причиняемое , видѣла вЪ немЪ и оплакивала добраго человѣка , коему причинила она несчастїе. Печаль ея была столь же велика, сколь и искренна, и такЪ продолжительна каковая можетЪ быть свойственною сЪ ея характеромЪ. Она воспользовалась во вдовствѣ своемЪ тѣмЪ токмо , что споспѣшествовала замужству племянницы своей сЪ младымЪ человѣкомЪ ея оболь-

обольстившимЪ. КакЪ утвердила, что послѣ смерти своей все свое имѣніе достанется имЪ, то дѣло сіе скоро заключилось. Между тѣмЪ, противЪ всякаго чаянія Ван-БлуйтенЪ избѣгЪ опасностей ему угрожавшихЪ: отведенный вЪ КалаганЪ, мѣстечко дикихЪ, привязанный уже кЪ столбу, гдѣ долженствовали принести его вЪ жертву; оглушаемый радостнымЪ крикомЪ сихЪ варваровЪ, ужасаясь пріуготовленіи его наказанія, онЪ не мыслилЪ больше *кЪ чему моглобЪ быть это лучшимЪ*? КакЪ вдругЪ осматривая жертву, увидѣли рубецЪ, произведенный раною, когда онЪ упавши переломилЪ руку; радостные крики превратились на вой; народЪ хотѣлЪ уже удалиться и оставить свою жертву, какЪ вновь прибывшіе дикіе привели сЪ собою Бискайскаго невольника, которому Ван-БлуйтенЪ долженствовалЪ уступить мѣсто, коего нашелся занимать недостойнымЪ. И такЪ вмѣсто страдальца сталЪ самЪ зрителямЪ. Жизнь его вЪ безопасно-

ности, ощущалъ только труды рабства, кои нѣсколько преодолѣли врожденную ему лѣность; ведомый съ одного мѣста на другое, понечаянности втрѣтился съ однимъ Комисаромъ одного изъ Батавскихъ его Корреспондентовъ, которому разсказалъ печальную свою исторїю, средство доставившее ему вольность. Пять лѣтъ протекло, какъ оставилъ онъ Амстердамъ, и никто больше объ немъ не мыслилъ: изъ того выключаю его супругу, которой естьли случалось быть въ запальчивости, то вспоминала, сколь бѣдственна была оная ее мужу. Случилось быть въ сихъ размышленїяхъ, какъ растворившаяся дверь оказала ей его. Ея удивленїе равнялось радости; бросаться на шею, вести его къ старому его стулу, надѣлать бездну вопросовъ, сзывать весь домъ, все сїе было дѣло мгновенїя; но дало время Ван-Блуйтену собраться съ духомъ. Вотъ, любезная жена, говорилъ онъ ей наконецъ: --- ты часто бранивала меня

ня, когда я на разные твои вопросы отвѣчалъ. -- *Кто знаетъ не къ лучшему?* и такъ естьлибъ племянница наша не была обольщена, то не былъ бы я здѣсь! --- ради Бога, любезной другъ! какое сношеніе между этимъ и твоимъ возвращеніемъ? какъ несчастіе нашей племянницы сохранило жизнь твою: непонятно? --- и подлинно, отвѣчалъ онъ; но наконецъ, естьлибъ не сдѣлалась брюхата, ты бы не разгорячилась, отъ чего полетѣлъ я съ лѣсницы: еслибъ не упалъ не переломилъ себѣ руку, и не было бы знака, а когда бы онаго не было, они бы меня . . . вотъ . . . --- ---- они бы меня зарѣзали и еще того хуже съѣли. Гжа Ван-Блуйтенъ будучи скора не могла довольно еще понять сего роду повѣствованія. Супругъ ея, въ теченіи пяти лѣтъ подробно кажется разполагалъ оное, однакожъ по медлительному своему понятію, не добрался, какъ бы разсказать повнятнѣе. --- Общій другъ, счастливое смѣшеніе двухъ ихъ харакше-

теровъ, тому и другому доказалъ, что добро часто и изъ худа слѣдуетъ; что человѣчество, такъ какъ слѣпцы, судитъ о настоящихъ приключенїяхъ; и что различїе характеровъ дѣлавшее взаимно несчастными, составило однакожъ имъ изъ произшедшихъ отъ того обстоятельствъ теперешнее ихъ благополучїе.

Чьи это дѣтки, спросилъ Господинъ Ван-Блуйтенъ, по двудневномъ своемъ возвращенїи? -- Супруга съ удовольствїемъ услышала сей хотя нѣсколько поздый вопросъ; однакожъ оной не сдѣлалъ бы, еслибъ не погостилъ у дикихъ: они племянницы нашей, отвѣчала она. Любовникъ ея поправилъ свою погрѣшность. Я утвердила, чтобъ по смерти нашей были они намъ наслѣдниками; но надобно твое согласїе; надѣюсь что въ томъ не откажешь. Доброй часъ, отвѣтствовалъ онъ, *кто знаетъ не къ лучшемуль*? Госпожа Ван-Блуйтенъ на сей разъ улыбнулась, -- ежедневно выслушивала нѣкоторую

часть

часть удивительнаго приключенія своего супруга; онъ съ согласія ея, сохранилъ любимую свою пословицу; которая находила его не таковымъ каковъ прежде бывалъ молчаливымъ, и болѣе дѣятельнымъ, къ тому жъ и сама постепеннѣе и терпѣливѣе сдѣлалась; пріобрѣла, какъ и онъ, въ соединеніи своемъ новую жизнь и благополучіе, оную сопровождающее.

ОПЫТЪ

Превосходнаго воспитанія нашего вѣка.

Въ одномъ изъ знатнѣйшихъ нѣмецкихъ городовъ, говорили объ одномъ токмо воспитаніи; умствовали, писали, разсуждали и льстили на сей случай; а для того дѣлали сіе съ величайшимъ усердіемъ, что Князь, въ томъ городѣ имѣющей свое пребываніе, имѣлъ у себя пятилѣтняго сына, коего совершенно воспитать желалъ, и по всѣмъ сего искусства, столь знаемаго нынѣ, правиламъ.

Какъ Его Свѣтлость много о семъ говорилъ, то спѣшили представить ему помощь всѣхъ учите-

лей аглинскихъ, французскихъ, ирландскихъ, италіанскихъ, нѣмецкихъ и швейцарскихъ, которые подобно пчеламъ вились вездѣ, гдѣ только есть праздное мѣсто. Но владѣтель занявшись выборомъ плану, коего искалъ сочинить къ воспитанію наслѣдника, былъ столь не рѣшимъ между Локкомъ, Руссо, и множествомъ другихъ новыхъ системъ, что не могъ еще избрать учителя долженствующаго произвесть онаго въ дѣйство.

Все по несчастію составляетъ систему въ нашемъ вѣкѣ. Тотъ же самой образецъ долженъ служить мѣрамъ, весьма иногда противнымъ. Даже въ воспитаніи предписуютъ непремѣнныя правила, между тѣмъ, какъ оное должно имѣть столько же разности, сколько есть различія въ предметахъ, кои оное образовать долженствуетъ.

И Такъ всякой житель станетъ требовать новой системы, если сіе имя можно дать вещамъ минутнымъ,

и коихъ предвидѣть не можно потому, что онѣ отъ себя самихъ произходятъ; въ случаѣ когда не имѣютъ дѣла съ существами нарочно для предпріятаго плана, созданными.

Совѣтникъ Розенгультъ мыслилъ такъ, какъ мы здѣсь начертали, и которому Государь часто говаривалъ о своей нерѣшимости и неудовольствіи, кое доставляетъ ему трудность выбора изо всего имъ читаннаго; онъ съ твердостію отвѣтствовалъ Его Свѣтлости симъ непонятнымъ Парадоксомъ (что нѣтъ ничего легче, какъ воспитать дитя, а особливо Принца). Надобно прежде всего разсуждать, говорилъ онъ, надобно дѣлать физическія вниманія; нравственной характеръ самъ по себѣ открывается; онъ требуетъ чтобъ имъ путеводствовали, не попускаетъ, чтобъ надъ нимъ трудились, ни созидали. Наставники шутя долженствуютъ сѣять и довольствоваться возбудить въ самихъ ихъ желаніе себя усовершенствовать, во время раз-

судка, чувствуемыя ими способности, когда физическое ихъ сложенїе довольно образовано, чтобъ могли трудиться. Принуждать ихъ съ лишкомъ учиться въ юности, совершенно ничего не стоитъ; ибо тысяча есть живыхъ примѣровъ великихъ Господъ, которые бывъ еще дѣти, почитались чудесами, отвѣтствовали какъ Профессоры (на введенныхъ четыре раза въ годъ экзаменахъ, чтобъ ихъ осыпать похвалами), и которые ставъ старѣе, становились ограниченными или незнающими; между тѣмъ какъ дѣти менѣе ихъ ученые, (или погрѣшностью своихъ родителей или по недостатку), въ знанїи превосходили всѣхъ сихъ маленькихъ чудъ, и въ совершенномъ возрастѣ часто, по физическимъ своимъ средствамъ, или чрезъ собственныя свои дарованїи бывали первыми умами Европы.

Розенгультъ прибавилъ, что закону и правиламъ морали, надобно развѣ при случаѣ ихъ поучать. Князь

съ странными своими учеными и систематическими идеями, кои себѣ сдѣлалъ о воспитанiи, не могъ безъ скуки выслушивать толь бѣдныя разсужденiи. Къ стати, Розенгультъ, говорилъ онъ, прервавъ рѣчь своего совѣтника; --- что онъ раза четыре принимался дѣлать (какъ сей говорилъ о своихъ Парадоксахъ (къ стати Розенгультъ, мнѣ сказывали о твоей собакѣ барбетѣ, которая, говорятъ, очень искусна, но въ самое тожъ время (прости моей искренности) сказывали мнѣ еще, что у Доктора Моденаха есть несравненно искуснѣйшая въ своемъ знанiи; объ ней разсказываютъ чудеса, между тѣмъ какъ о твоей мимоходомъ я слышалъ. Любопытенъ видѣть, да нынчежъ послѣ обѣда, въ Аглинскомъ саду, разныя штуки сихъ двухъ скотовъ. Понимаешь, Розенгультъ? -- Я хочу сдѣлать примѣчанiи. Какъ угодно вашей Свѣтлости; отвѣчалъ совѣтникъ, и тогожъ часу послалъ увѣдомить Доктора о желанiи, каковое

имѣетъ Принцъ, разсмотрѣть пріобрѣтенныя дарованія его любезной собачки. Докторъ былъ готовъ и прежде, нежели собрались жители, и церемонія толь торжественнаго экзамена началась, увѣрялъ Его Свѣтлость, со всемъ краснорѣчіемъ шарлатана, что выключая французскаго языка, собака его имѣетъ всѣ тѣ дарованія, каковыя лучшее воспитаніе внушить можетъ благородной юности. Опыты начались; Докторова собака бросилась въ фонтанъ, приносила камни, находила потерянныя или изломанныя вещи, дѣлала съ пріятностію, военныя эволюціи и домашнія услуги, ѣздила и правила деревянною лошадью, отличала себя комплементами и учтивостьми, ласкала всю свѣтлѣйшую компанію со всею пріятностію принцессъ бродящихъ театровъ; изъ нарочно сдѣланнаго инструмента производила согласные тоны голоса, цыфирь писала даже до десяти; — и наконецъ, на пескѣ написала собственное свое имя *Гилаксъ*

лаксъ

лаксъ. Не смотря на всѣ ея дарованіи, была лукава, зла, кусала благодѣтеля своего и Господина; и не смѣли къ сей грамотной собакѣ приступиться безъ опасенія, чтобъ она своими прелестными зубами не изорвала.

Воистинну, вскричалъ, возхищенной Князь, собака твоя представляетъ себя какъ великой Господинъ! --- Какъ она пищетъ свое имя! но! . . . съ такими знаніями она Президентомъ быть можетъ! она прекрасна, Докторъ! по истиннѣ; она прекрасна; вотъ! -- и онъ разсматриваетъ начертаніе будущаго Президента. Вотъ Докторъ, я дамъ тебѣ тысячу флориновъ если мнѣ ты ее уступишь.

Розенгультова собака со вниманіемъ озирала ученаго его собрата; -- послѣ Господина своего; --- потомъ ту собаку и потрясала головою. Удивленіе это было, -- или насмѣшка? я объ этомъ ничего не знаю!

Но дорогой мой Докторъ, говорилъ изумленной Принцъ, изъясни мнѣ ради Бога методу, помощію которой учинилъ собаку свою столь ученою и искусною. Почести, твой Гилаксъ получилъ наиблагороднѣйшее воспитаніе! онъ представляетъ себя весьма хорошо; имѣетъ понятіе, играетъ въ карты, и на инстументѣ; знаетъ правила ариѳметики, танцуетъ, и пишетъ свое имя. Послѣ сего больше требовать не льзя отъ множества молодыхъ Графовъ желающихъ при дворѣ служатъ, или въ свѣтъ показаться. Но скажи мнѣ, какъ ты при этомъ поступалъ?

Ахъ! всемилостивѣйшій Государь, говорилъ Докторъ, это стоитъ; -- надобно сообразованіи, --- искать великихъ побужденій, -- разсуждать, -- усовершенствовать вещи. Моя система, это послушаніе; я ее наказывалъ, заставлялъ поститься, принуждалъ даже до тѣхъ поръ, когда она стала такова, какову изволите видѣть.

Вотъ

Вотъ изрядной наставникъ! мыслилъ Розенгультъ: --- Собака его между тѣмъ не преставала осматривать прыжки и разныя Гилаксовы штуки, и глаза ея обращались на господина своего, всегда потрясывая своею головою Принцъ наконецъ это примѣтилъ. Твоя сабака, говорилъ онъ Совѣтнику смѣючись, кажется быть критикомъ, --- изъ числа сихъ людей, кои не зная сами ничего, всему смѣются; или я обманываюсь! --- можетъ быть сіе потому, не сильнѣе ли она Гилакса въ волшебствѣ? посмотримъ-ка волшебныя ея ухватки; да какъ она называется? --- Пиладъ, всемилостивѣйшій Государь. --- Пиладъ! О! --- это имя нѣжнѣйшаго изъ друзей. Посправедливости оное дано моей собакѣ, возразилъ Розенгультъ. Ну, такъ, пускай она начинаетъ, и посмотримъ, что Пиладъ знаетъ! Ваша Свѣтлость не можетъ о томъ судить въ семъ мѣстѣ; онъ не можетъ показать довольныхъ опы-

шовъ свойствъ своихъ, выключая, что она плаваетъ и приноситъ вещи столь же исправно, какъ и Гилаксъ. Но если изволите прогуляться до ближайшей деревни, то можетъ быть найдется что нибудь, чѣмъ привлечетъ она вниманіе ваше. Принцъ на это согласился. При въѣздѣ въ деревню, (гдѣ была тогда ярмонка) сидѣлъ маленькой мальчикъ ѣвщей кусокъ жаркаго. Испужавшись сихъ ѣдущихъ Господъ и большой сабаки за ними слѣдовавшей, онъ убѣжалъ, и бросилъ свой ужинъ. Розенгультъ кликнувъ Пилада, сдѣлалъ ему знакъ; въ ту самую минуту Пиладъ подымаетъ мясо и забѣжавши въ передъ той дороги, по которой бѣжалъ робенокъ, предсталъ предъ него, представляя ему съ пріятностію и твердостію, потерянный имъ кусокъ, такъ что ободренной дитя оной принялъ, и обрадовавшись, отдѣлилъ часть отъ онаго кинулъ Пиладу. Но господинъ его сдѣлалъ запретительный знакъ,

и

и собака возвратилась кЪ нему, не тронувшись до подарка ему предстапляемаго. ПринцЪ отЪ сего пришелЪ вЪ изумленіе. По прошествіи нѣсколькихЪ минутЪ, услышали ужасной лай; обернулись назадЪ, чтобЪ узнать причину; одна маленькая деревенская собака украла у мальчика его ужинЪ, Дацкая собака спорила вЪ добычѣ сЪ воромЪ, и какЪ сія оную защищала, то была бы разорвана, когдабЪ ПиладЪ, недожидаясь приказанія своего господина, не бросился на нападчика; схватилЪ его искусно за ухо, и наказавши отогналЪ, пришелЪ облизать рану маленькой раненой: и потомЪ поднявши опять мясо, причину ссоры, отнесЪ вЪ другой разЪ кЪ плачущему робенку, которой лаская Пилада, оставилЪ ему его завоеваніе; которымЪ тогда токмо воспользовался, когда ему было позволено. ВидЪ ПринцевЪ изЪявлялЪ удивленіе и удовольствіе.

Они продолжая сію любопытную прогулку, и вдругЪ заѣхали между двухЪ

двухъ небольшихъ ручьевъ. Заяцъ въ томъ мѣстѣ находившейся, бросился въ воду, и со всемъ было утонулъ. Пиладъ за нимъ слѣдуетъ, схватываетъ и держитъ, ожидая повелѣнія своего хозяина, и повинуется знаку, чтобъ выпустить. Прибѣжавши къ Совѣтнику, сей притворяется, что будто ссорится съ Принцемъ; принялъ поступки рассерженнаго человѣка, которой нападаетъ и обороняется; --- ярость изобразилась въ глазахъ вѣрной Барбеты; она гнѣвомъ своимъ и угрозами начинала уже устрашать Принца, какъ Совѣтникъ принялъ дружелюбный видъ, и сдѣлалъ Принцу всѣ знаки примиряющагося человѣка. Пиладъ изъявляя радость, помахивалъ хвостомъ, лизалъ пыль сапоговъ Принцовыхъ, которой отъ удивленія былъ безмолвенъ.

Возвращаясь уже къ городу, встрѣтили по дорогѣ двухъ собакъ съ пригожею сукою. Пиладъ былъ нѣженъ, такъ какъ обыкновенно всѣ добрыя серд-

сердца бываютъ: величайшее оказывалъ желанiе познакомиться съ сей красавицей; но взглянувъ на господина своего и видя во взорахъ его запрещенiе, отворотилъ свои, повѣсилъ уши, и слѣдовалъ за Совѣтникомъ, не смотря больше на предметъ желанiй своихъ. О! на сей разъ, вскричалъ тронутый и колеблемый Принцъ, Пиладъ достоинъ своего имяни; онъ жертвуетъ всемъ, даже и наслажденiемъ красавицы волѣ своего друга! Я хочу имѣть Пилада, вели себѣ отчесть двѣ тысячи флориновъ, и Пиладъ больше меня не оставитъ. Но какъ онъ у тебя былъ содержанъ, и какая его пища? ---- Считая за друга, говорилъ Совѣтникъ, я его ласкалъ; никогда онъ не получалъ наказанiя, да онаго и не заслиживаетъ. Изъ одного дружества все дѣлаетъ; питается какъ я, и я воздерженъ; два или три блюда составляютъ обыкновенной обѣдъ мой, и моя Барбета довольствуется онымъ. Принцъ полюбившей сего прекраснаго звѣря, ласкалъ

его

его и гладилЪ. Не смотря на сїе, ПиладЪ былЪ унылЪ, ѣлЪ мало, стеналЪ, и прятался; нѣкогда найдя двѣри отворенными убѣжалЪ и возвратился кЪ Розенгульту. Сей пришедши во дворецЪ, всемилостивѣйшей государь, говорилЪ онЪ Принцу, я приношу вамЪ тѣ двѣ тысячи флориновЪ, кои вы изволили мнѣ приказать выдать за Пилада. Я стыжусь моей противЪ его неблагодарности, что рѣшился его продать; но посчастїю не могЪ онЪ узнать сїе, а то врагомЪ бы мнѣ сдѣлался. ОнЪ часто кЪ моему увеселенїю, подвергалЪ опасности жизнь свою; всякую ночь бдитЪ о моей безопасности, и еслибЪ захотѣли напасть, то надобно прежде его самого погубить; невзирая на пышной вашЪ столЪ, онЪ возвращается ко мнѣ, которой питаетЪ его умѣренно Подобная вѣрность неоплатима. КакЪ онЪ счастливЪ, что сїя сила свойства его, не разстроена разсужденїемЪ или примѣрами! --- ПринцЪ погрузясь вЪ размышленїи, попускалЪ

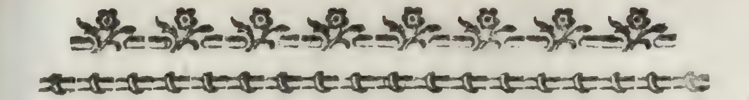
гово-

говорить Розенгульту. --- Не шути ты надо мною, сказалЪ онЪ ему наконецЪ. Правда, что нѣтЪ ничего легче, и нѣтЪ ничего труднѣе, какЪ младенца воспитывать, а наиболѣе Принца; удержи у себя твою собаку и двѣ тысячи флориновЪ, Розенгульт Ъ, и сЪ сихЪ порЪ, будь воспитателемЪ моего сына. И если нѣкогда буду имѣть счастїе видѣть вЪ немЪ добродѣтели твоего Пилада, то монументЪ воздвигну вЪ память твою,

Всемилостивѣйшїй Государь, возразилЪ СовѣтникЪ, если Принца сына вашего сердце еще невинно, то всего вы можете надѣяться; когда собака моя, больше ему понравится, нежели Докторова, то не можно сумнѣваться, чтобЪ не былЪ онЪ еще хорошЪ; и вЪ семЪ случаѣ, я вамЪ отвѣчаю, что онЪ будетЪ прїятенЪ и разуменЪ, чтобЪ былЪ остроуменЪ и ученЪ, я не могу. — Пожалуй о томЪ не безпокойся, говорлЪ ПринцЪ, я хочу

чу благополучія сына моего и моихЪ подданныхЪ.

Охотники кЪ описаніямЪ до воспитанія касающимся, увидятЪ еще вЪ послѣдствіи сего сочиненія, сколь было легко Розенгульшу воспитывать Принца, какЪ ему желалось, безЪ Меѳоды и безЪ системы.

НИ МНОГО, НИ МАЛО.

Не малая забота выдать дочь за мужЪ, --- говорилЪ старый ГемингЪ, снимая спальной свой колпакЪ, и наливая чашку кофе; . . . у меня одна только и есть -- Е! -- да и тутЪ не знаю какЪ рѣшиться, чтобЪ ее пристроить. . . сколько вЪ нынѣшнее время худыхЪ браковЪ видимо! -- теперь совершить и одинЪ мнѣ надобно, коего благополучїе упорствуетЪ времяннымЪ произшествїямЪ; кЪ тому потребна по истиннѣ чудесная премудрость. -- Зевота прервала старика; -- НабивЪ трубку, разпростирается на креслахЪ, и продолжаетЪ свое разсужденїе. -- ВотЪ, Сюзета, своимЪ видомЪ и прїятностьми истинная драгоцѣнность. -- КильмарЪ сватается у меня за нее шесть мѣсяцовЪ: -- это прекрасной молодой че-

ловѣкъ, -- къ томужъ доброй малой, и свѣдущей ; -- доброй малой, я это повторяю. -- Но -- Дандолфъ : Охъ! да, Дандольфъ! -- разсмотримъ-ка немножко ; -- вотъ ужъ изрядная партія! --- по старѣе Килмара ; --- правда, что я съ мѣсяцъ только его знаю ; -- а Кильмара нѣсколько лѣтъ ; -- онъ ходилъ по дѣламъ моимъ, надзиралъ за мною въ моихъ подагренныхъ припадкахъ. -- Но Дандольфъ, богатъ какъ Крезъ! въ последней разъ, какъ я у него былъ, онъ показалъ мнѣ два съ золотомъ боченка, говоря, что это десятая токмо часть его доходовъ. -- Какое богатство! -- Кильмаръ въ городѣ почитаемъ, уважаемъ; говорятъ, будто имѣетъ способности, и (чего не очень я еще понимаю) сказываютъ, что имѣетъ какую-то твердость въ характерѣ! -- Про Дандольфажъ, онъ богатъ: а что у него и не достаетъ то деньги замѣняютъ. О! я ощущаю сіе дарованіе. По заключеніи сего здраваго разсужденія, легко

ко отгадаютъ, что Гемингъ склонился къ Дандольфу; но весьма обманутся, если предпочитанïе ему даваемое почтутъ отъ скупости происходящимъ. Сей образцовой и чудной старикъ, всегда во всемъ чрезвычайный, къ томужъ весьма упрямый, завсегда оставался при послѣднемъ мнѣнiи его поразившемъ. Въ сïю минуту два боченка золота ему представились; и Дандольфъ имѣющей несмѣтныя богатства, (которой въ будущей своей супругѣ искалъ одной только красоты), сдѣлавъ по правиламъ сватовство за Сюзету, былъ предпочтенъ Кильмару. Сей имѣя тонкïй и свободный разумъ, тотъ часъ предвидѣлъ чего долженъ страшиться отъ соперника толь опаснаго. Онъ обожалъ Сюзету, и Гемингъ ласкалъ его надеждою отдать ее за него; осмѣлился дѣлать ему выговоры, на которые старикъ (будучи на всякïя другïя болѣзни кромѣ подагры безчувствененъ) отвѣчалъ ему объявляя, что ему хотѣлось богатаго человѣ-

ка и не зная богатѣе Дандольфа, его - то онъ и избралъ. Сюзета была послушна; отецъ ея самовластенъ. И такъ Кильмара принимали въ домѣ какъ пріятеля, а Дандольфа какъ жениха; -- онъ почти не покидалъ своей красавицы; даже самыя сновидѣнія, привлекали ее въ его объятія. Все было изготовлено къ свадьбѣ; отецъ торжествующій, Сюзета блистательными бездѣлками занимающаяся; Кильмаръ въ великой печали, Дандольфъ весь въ огнѣ, -- нѣкогда вечеромъ весьма поздо возвратившись отъ Геминга, находитъ на имя свое присланную кипу, и разбирая заключающіеся въ оной товары, разгорячившись бдѣніемъ и трудомъ не могъ заснуть, но дабы успѣть въ томъ, подобравъ бумаги служившія оберткою, оныя прочитывалъ; достигъ бы своея мѣты, если бы глаза его не повстрѣчалися съ нѣкоторыми строками весьма примѣчательными къ возбужденію всего вниманія въ человѣкѣ, о красотѣ разсуждающемъ.

щемъ. Сіи разодранные листки были отрывокъ путешествія; -- сочинитель нѣжный наблюдатель, расказывалъ о странахъ изобилующихъ прекраснѣйшими женщинами; и Дандольфъ съ удивленіемъ читалъ, что въ Азіи, даже самые рынки, охотникамъ представляютъ наисовершеннѣйшихъ красавицъ, за умѣренную сумму отъ 50, 60, до ста ефимковъ. Онъ думаетъ видѣть во снѣ, бросаетъ листокъ, беретъ его опять, читаетъ, перечитываетъ вновь и находитъ сколько прелестей въ роскошномъ изображеніи, кое ему попалось, что тысячу безпокойныхъ мыслей имъ овладѣли. Сюзета прекрасна, говорилъ онъ; --- но пригожая Гречанка во сто разъ должна быть ея лучше! -- какихъ стоитъ мнѣ трудовъ чтобъ получить согласіе Сюзеты! сколько стараній! -- Сколько уловокъ! -- А! -- Въ Азіи, дѣвица, на которую взброшу глаза свои, была бы весьма счастлива! -- Черкашенка за 50 ефимковъ! --- А! Сюзе-

 та!

ша! -- онЪ спрыгиваетЪ съ постели; бѣжитЪ кЪ своему письменному столику, пробѣгаетЪ счеты. -- КакЪ! Сюзета, еще помолвленная мнѣ стоитЪ 300 талеровЪ! великїй Боже! -- а какЪ станетЪ моею женою, то раззоритЪ меня совершенно! -- изрядную было связь содѣлалЪ. Мысля какЪ купецЪ онЪ былЪ правЪ; и счетЪ сей столь же казался ему яснымЪ, какЪ и огорченїе быть обмануту; разгорячившись читаннымЪ, призвавЪ служителя, требовалЪ лошадей и на самомЪ разсвѣтѣ отправился вЪ путь, видно вЪ Индїю, чтобЪ за дешевую цѣну поправить случившееся ему несчастїе.

Нечаянной ДандонльфовЪ отЪѣздЪ, чрезмѣрно обрадовалЪ Кильмара. ОнЪ употреблялЪ тысячу способовЪ кЪ удаленїю сего совмѣстника; но не смотря на весь свой разумЪ, никогда не могЪ бы вздумать счастливое произшествїе, о которомЪ мы упомянули. Извѣстїя путешествующихЪ вЪ глазахЪ его стали наидрагоцѣннѣйшими

шими книгами. Онъ бросился къ Гемингу, которому разсказалъ всѣ подробности отъѣзда своего соперника, заклиналъ его сдержать свое слово. Старикъ улыбнулся: -- хорошо, говорилъ онъ, вотъ вѣроятная скаска! -- прошу не торопиться, -- однакожъ оная точно справедлива. -- А! -- вы осмѣливаетесь ее утверждать? --- точно такъ; -- я согласенъ даже почтенъ быть за бездѣльника если это неправда. -- Какъ Дандольфъ! -- женихъ моея дочери! -- такъ сударь; Дандольфъ нынѣшняго утра уѣхалъ, увольняетъ васъ и Сюзету отъ своихъ обѣщанїи. Онъ хозяину своему препоручилъ вамъ это сказать, --- Боже! вскричалъ, Гемингъ; что дѣлать, что будетъ! о! дѣвки, какое безпокойство ихъ выдавать! я желалъ благополучїе Сюзеты; и Дандольфъ удалился! какая преизрядная была партїя! какое богатство! --- Правда, говорилъ Кильмаръ, былъ онъ очень богатъ. --- да, да, ты говоришь правду, весьма поспѣ-

шно прервалъ рѣчь его Гемингъ, чтобъ провалился онъ къ дьяволу; это послужитъ мнѣ урокомъ, чтобъ никогда на богатыхъ не полагатьсь; они думаютъ, что будто имѣютъ право все дѣлать, у нихъ своенравіе первѣйшимъ закономъ. --- Нѣтъ, за богатаго никогда я невыдамъ, хотя бы Моголовы имѣлъ сокровища. Я лучше соглашусь выдать мою Сюзету за беднѣйшаго, но честнаго человѣка. --- *ни много ни мало* въ разсужденiи имущества, всегда счастливѣйшее состоянiе, говорилъ Кильмаръ, ---- вы обѣщали мнѣ дочь вашу. --- обѣщалъ, --- нѣтъ, а подавалъ надежду, не больше, возразилъ старикъ. Но! --- къ чемужъ это привесть можетъ? --- стоитъ ли труда разсуждать такъ долго для заключенія супружества такого, каковыя ежедневно мы видимъ! --- нѣтъ, нѣтъ, Кильмаръ, чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ больше нахожу, чтобъ супругъ моей дочери былъ такой человѣкъ, которой бы своимъ благополучiемъ

ей

ей токмо былъ обязанъ, и которой бы ничего болѣе не имѣлъ, какъ то, что получилъ отъ природы. --- А! склонность любезной вашей дочери? --- у ней нѣтъ другихъ склонностей, какъ только быть мнѣ послушной. --- Выговоря сїи слова Гемингъ удалился. Кильмаръ, новое сїе своенравїе ни чему иному не приписывалъ какъ огорченїю, произшедшему можетъ быть отъ отъѣзда Дандольфова, надѣялся, что по времяни убѣдитъ его. --- Но старикъ устремилъ уже свое вниманїе на младаго человѣка, казавшагося ему совершенно различнымъ отъ богатаго и своенравнаго Дандольфа. Въ сїю минуту коль сильныя имѣлъ онъ причины предпочесть ему всякаго другаго! --- Лобицъ недавно прибывшей, имѣя нарочитую фигуру, всѣ признаки наихудшаго состоянїя, и всѣ недостатки мѣшающїе притить ему въ лучшее. Дѣлавши опытъ всячески, ни въ чемъ ему неудавалось; причитая злосчастїю, худые свои успѣхи, кои

отъ неспособности его и легкомыслія проистекали, не находилъ другихъ способовъ кромѣ тѣхъ, кои нечаянно ему попадались, съ подлою услужливостію представлялъ себя прихотямъ другихъ. Будучи безъ основанія, согласовался со всякими свойствами, со всякими нравами, жилъ какъ бы только ему провесть день, обиталъ въ четвертомъ этажѣ противъ самаго Гемингова дому. Сей считая себя тонкимъ примѣчателемъ, чрезъ мѣру плѣнился низкими ему поклонами, ревностію къ услугамъ и тронувшись состояніемъ, обласкалъ и просилъ, чтобъ ходилъ къ нему въ домъ его. Увѣрясь, что въ немъ обрѣлъ то, чего желалъ имѣть въ своемъ зятѣ, старался его къ себѣ прилѣпить; Гемингъ предложилъ Лобицу домъ свой и столъ, что отъ того съ величайшею было принято радостію. Пользуясь стариковою щедротою, неощущая ничего къ Сюзетѣ, онъ осмѣлился между тѣмъ требовать ея руку. Вотъ на сей

разъ, я не обманулся, говорилъ Гемингъ; благодарность трогаетъ его сердце; сія вить не та смѣшная любовь, которую оказалъ намъ Дандольфъ; нѣтъ, эта учинитъ наиблагополучнѣйшія узы; понеже чувствуетъ онъ, что всемъ намъ обязанъ, то содѣлаетъ блаженство моей дочери? --- такъ Лобицъ, такъ вы будете моимъ зятемъ! дочь моя и я, составимъ тебѣ то блаженство, котораго несчастіи твои тебя лишали. Съ нынѣшняго дня, хочу я удалить, то видимое разстояніе, которое между ею и вами. --- Выговоря сіи слова, взялъ Лобица за руку, приведя его въ кабинетъ и открывъ сундуки, далъ ему такую сумму, на которую могъ онъ себя окопировать съ благопристойностію. Хотя удивленіе молодаго человѣка было велико въ разсужденіи щедрости будущаго своего тестя, но еще болѣе оное умножилось, когда увидѣлъ предъ глазами своими представившіяся ему сокровища; полученное имъ, обозря

ста-

стариково богатство казалось ему ужъ малостью. Неблагодарный получа благодѣяніе не о томъ уже разсуждаетъ, но о томъ, что бы могли ему больше сдѣлать. Лобицъ былъ неблагодарнымъ; обозря множество золота, ощутилъ единое токмо неудовольствие, что получилъ въ разсужденіи онаго столь мало: признательность и любовь во устахъ, зависть и жадность пребывали во глубинѣ его сердца. Терзаемъ своею бѣдностію, которую считалъ не правосудіемъ жребія, потаенно стеналъ о подчиненіи, въ которое ввергался: онъ желалъ счастія, а не Сюзеты; ему ее обѣщали, другоежъ видѣлъ въ отдаленности, и ни что иное не ощущалъ, какъ единое свое отъ изобилія отлученіе. Гемингъ изъявляемое на лицѣ его замѣшательство, считалъ чрезмѣрною къ себѣ благодарностію; полагалъ Лобица за роднаго уже своего сына, утѣшался полезной перемѣной, каковую притворство изливало на черты подлеца;

сїе было его творенїе; единымЪ токмо мудрымЪ своимЪ проницанїямЪ долженствовалЪ онЪ познанiи существа, толь удобнаго наконецЪ кЪ выполненiю видовЪ его кЪ своей дочери; оставалось ему токмо заключить сїе прекрасное соединенїе. За нѣсколько времяни до назначеннаго кЪ церемонiи дня, ГемингЪ принужденЪ былЪ изЪ города отлучиться, онЪ препоручилЪ Лобицу принять вмѣсто себя нѣкоторую сумму денегЪ. Какое искушенїе для столь подлой души! --- вЪ тѣхЪ разположенїяхЪ, каковыя описали, не могЪ оному противуборствовать; даже вЪ семЪ дѣйствiи находилЪ нѣкоторой родЪ честности. Что не можетЪ оправдиться вЪ толь хитромЪ вѣкѣ! --- для своего токмо счастїя хотѣлЪ жениться на Сюзетѣ; она его не любила; оба были бы несчастны; вЪ мѣсто того присвоя себѣ находящуюся у него сумму денегЪ, прїобрѣтетЪ опять свою свободу и благодѣтелю своему для предбудущаго времяни подастЪ изрядное наставленїе.

ленїе. Таковому прекрасному разсужденїю послѣдовалъ скорой побѣгъ. Гемингъ по возвращенїи своемъ узналъ, что сумма поступила и Лобицъ скрылся. Пустая его Горница доказала, что побѣгъ его учиненъ по формѣ. Гемингово подозрѣнїе умножалось по мѣрѣ признаковъ подтверждаемыхъ подозрѣнїями своими, какъ Кильмаръ предъ него предсталъ. Ахъ; Боже мой, въ какомъ вы положенїи? ---- Я думаю, отвѣчалъ Гемингъ, что вчера украли у меня знатную сумму денегъ. ---- Крайнѣ сожалѣю; ---- гдѣ учинилась у васъ сїя покража? ---- Получше бы запирать ваши деньги. -- О! это я, я вскричалъ нетерпѣливой старикъ, велѣлъ отдать ихъ въ руки вору; -- это какъ я думаю Лобицъ -- Лобицъ! подхватилъ Кильмаръ, развѣ онъ не возвратился? -- Вчерась въ вечеру встрѣтился я съ нимъ за три мили отъ города, онъ ѣхалъ такъ поспѣшно, что скоро потерялъ его изъ виду. -- Небо! такъ это онъ бездѣльникъ! -- надобно до-

гнать

гнать его неотмѣнно. -- Безполезно, возразилъ Кильмаръ; имѣя въ переди цѣлую ночь, онъ почти уже на границѣ и въ безопасности, можетъ быть затѣваетъ другое какое мошенничество. -- Безчестной! вскричалъ Гемингъ, послѣ всего мною для него сдѣланнаго! -- что было еще предпріялъ сдѣлать! сущей бродяга! --- совершенно справедливо, перехватилъ Кильмаръ, что *ни много*, *ни мало* всегда вѣрнѣе. „Повѣрьте мнѣ, дочь „ваша была бы счастлива съ чело„вѣкомъ почитающимъ ея достоин„ства, которой самъ имѣя нарочи„той достатокъ на вашъ бы не по„лагался, и которой занимаясь дол„жностью, былъ бы благоразуменъ „содѣлать супругу свою добродѣ„тельною и доброю матерью.„ Пріѣхавшая карета прервала Кильмара; которой въ сіи счастливыя минуты, можетъ быть убѣдилъ бы Геминга; пришли извѣстить о посѣщеніи Графа Рутланда, младаго Господина привезшаго изъ путешествіи своихъ на-

уку

уку бездѣльничествѣ, и которой при дворѣ по рожденію своему занималъ первѣйшія мѣста. Онъ въ оперѣ видѣлъ Сюзету; по его мнѣнію сія была вѣрная побѣда и стоила труда, чтобъ добродушному старику отцу сдѣлать посѣщеніе. Кильмаръ изъ почтенія удалился; Графъ ни малаго не сдѣлавъ объ немъ примѣчанія свободнымъ образомъ вошелъ въ залу, лобызаетъ старика, пришедшаго въ изумленіе отъ получаемой имъ чести и отъ знаковъ достоинства украшавшихъ Графа, едва слышитъ увѣренія сердечной дружбы отъ такого человѣка, котораго онъ въ жизнь свою никогда не видывалъ. Графъ говорилъ ему о прекрасной его дочери, увѣрялъ „что безъ нея жить не можетъ, и что два дни казавшіеся „ему вѣками, ею токмо онъ занимается; --- что она превосходитъ „все видѣнное имъ въ своихъ путешествіяхъ, и что доброй отецъ не „откажется согласиться на его счастіе.„ Добродушной Гемингъ дѣйстви-

ствительно вѣрилъ стеченію произшествіямъ нарочно случившимся, чтобъ изхитить у него Дандольфа, Лобица и доставить ему такого зятя, о каковомъ никогда не осмѣливался мыслить. Графовы поступки, притворное къ нему дружество, щегольскія нарѣчіи говоренныя имъ Сюзетѣ, утѣшивъ старика о знатной своей потерѣ въ удивленіе приводили; славная знаменитость являлась глазамъ его; дочь его Графинею, онъ всего уповать можетъ. -- У единаго дворянства обитаютъ чувства, честь и нѣжность; и Гемингъ предавшись честолюбію, не воображалъ, чтобъ Графу можно было имѣть другія мысли, кромѣ имъ объявленныхъ. Сюзета послушною была на сей разъ болѣе прежняго; льстясь знатностію своего любовника, приняла видъ и поступки приличествующія знатной дамѣ; уборной столикъ, бездѣлушки, ни къ чему годныя тетрадки заняли мѣста полезнаго упражненія; танцмейстеры и учители музыки, от-

крыли ея таланты. Геминг сам перемѣнил образ своего обращенія, прежніе его знакомцы и друзья мѣщанскаго состоянія изгнались из его дому. Граф удивился болѣе прежняго, говорил о свадьбѣ, давал чувствовать старику, что для поправленія обстоятельств и уплаты долгов своих, он дѣлает тѣм ему честь, что для сего случая предпочел его всякому другому, и между тѣм все производил в дѣйство как бы ему обольстить Сюзету, которая быв болѣе суетна чем чувствительна, знала ему сопротивляться. Геминг побуждал к заключенію, и Граф не мог бы долѣе откладывать, не подвергнув себя подозрѣнію, еслиб не вспомнил об одном извиненіи весьма употребительном в романах, которое в том состояло, что имѣет дядю, от котораго зависит и котораго не ровною женидьбою не смѣет прогнѣвать: но дядя тот уже стар и дряхл, слѣдственно надѣется, что

ско-

скоро имЪ овладѣетЪ и испрашивалЪ время и молчаливости вЪ своихЪ намѣреніяхЪ до тоя минуты, вЪ которую можетЪ ихЪ выполнить. Сія тайна крайнѣ опечалила Геминга и дочь его, они попускали отгадывать то, чего сказать не смѣли, и при всякомЪ случаѣ старались оказывать себя достойными будущей ихЪ знатности. БывЪ званы ГрафомЪ препроводить нѣсколько дней вЪ одной изЪ деревень его, гдѣ говорилЪ онЪ, хотѣлЪ дать имЪ праздникЪ, и гдѣ можетЪ быть думалЪ какЪ бы привесть кЪ окончанію романЪ свой; старикЪ и дочь его дабы туда пріѣхать, дѣлали изрядной округЪ, вЪ разсужденіи чего должны были проѣзжать чрезЪ одинЪ маленькой городокЪ, вЪ которомЪ жилЪ старинной ГеминговЪ пріятель, коего дочь воспитывалась вмѣстѣ сЪ Сюзетою и была ей искреннею пріятельницей. Равенство прервалось; не могло быть больше между ими дружества: ГемингЪ это чувствовалЪ; какЪ и дочь его возхи-

щалась, что будетЪ ѣздить вЪ блестящемЪ ГрафскомЪ экипажѣ и предшествуема верховыми! они оба занявшись знатностїю, гордостью надуваемою, заѣхали кЪ своему старому знакомцу. Посудите о ихЪ удивленїи видя себя какЪ отЪ хозяевЪ такЪ и служителей сЪ весьма грубою обходительностїю принятыми! сїе такЪ было явно, что вЪ смятенїе пришедшей ГемингЪ принужденнымЪ нашелся спросить развѣ его больше не знаютЪ. -- ГосподинЪ ГемингЪ, сЪ равнодушїемЪ сказалЪ совѣтникЪ, -- а это дочь его я чаю; -- очень повыросла; -- такЪ я теперь вспомнилЪ, мы нѣкогда бывали собратами, наши дѣти вмѣстѣ забавлялись; -- но ужЪ это очень давно! -- правда, отвѣчалЪ ГемингЪ, однакожЪ я о семЪ помню и за удовольствїе счелЪ, проѣзжая чрезЪ здѣшнее мѣсто представить вамЪ при дворѣ мои услуги. При дворѣ, подхватилЪ совѣтникЪ засмѣявшись во все горло? -- Развѣ вы не знаете, что дочь

моя

моя выходитъ за придворнаго Господина? -- дочь ваша! -- тѣмъ лучше и Сюзета также да и за самаго знатнѣйшаго: --- Графъ Рутландъ будетъ моимъ зятемъ, говорилъ совѣтникъ; --- что за дьявольщина! вы шутите, сказалъ Гемингъ; это женихъ моей дочери, развѣ нѣтъ ли у него брата? --- я не знаю; но у того, которой женится на Генрїеттѣ нѣтъ ни какова, и еслибъ не старой дядя, коего раздражить не должно, то и свадьба бы совершилась. -- Старой дядя, вскричалъ съ живостїю Гемингъ, у нашего также есть дядя, которой намъ мѣшаетъ! -- ты меня въ безпокойство приводишь, любезной прїятель; не уже ли онъ насъ обольстилъ обѣихъ? -- Оба старики войдя въ подробности, сообразовали вещи, и не могли болѣе усумнѣться, чтобы не были обманываемы Графомъ искавшимъ погубить двухъ красавицъ. Гемингъ проклиналъ, совѣтникъ подыскивалъ законы для подобнаго случая; Сюзета сожалѣя о зна-

тности, поздравляла себя что избѣгла опасности; слезы текли изъ глазъ Генріетты; и всѣ четверо возобновили прежнее свое дружество. Не стали говорить больше о предпріемлемомъ путешествіи; Гемингъ довольно увѣренный, что разсужденіе и знатность не всегда бываютъ безъ гнусныхъ расположеніи, привезъ къ себѣ обратно дочь свою, твердо рѣшившись наказать Графа, предпочтя ему такого совмѣстника, коего рожденіе и состояніе могли бы его понизить. Нѣсколько дней такъ прошли. Кильмаръ видя праздное мѣсто, ожидалъ благосклонныхъ минутъ своимъ желаніямъ. Сюзета, отецъ ея, отъ огорченія причиненнаго имъ послѣднимъ приключеніемъ, утѣшались частыми прогулками. Въ одинъ день они весьма далеко удалились отъ города, въ то время сдѣлалась буря, которая принудила ихъ (чтобъ сократить путь свой) переѣзжать рѣку. Едва только вошли въ лодку, какъ порывистой вѣтеръ ее опро-

рокинулЪ и повергЪ бы ихЪ вЪ великую опасность, еслибЪ вЪ недальнемЪ отЪ того мѣста разстоянiи ѣдущей верхомЪ человѣкЪ не усмотрѣлЪ ихЪ и поспѣшно не прискакалЪ на помощь, онЪ бросившись вЪ рѣку ихЪ оттуда вытащилЪ, велѣлЪ перенести вЪ ближайшей домЪ, гдѣ получа всевозможныя вспомоществованiи пришли вЪ себя; Гемингоы восхищенiи не имѣли предѣловЪ, когда увидѣлЪ Сюзету открывающую глаза свои, не зналЪ какЪ избавителю своему изъявить свою признательность, и снявЪ сЪ руки дорогой цѣны перстень, заклиналЪ его оной принять вЪ залогЪ своея благодарности. Но какЪ удивился когда сей человѣкЪ имѣющей на себѣ ливрейную одежду и казался быть служительскаго состоянiя, учтиво отказывался, отЪ щедраго подарка, заслуженнаго имЪ толь справедливо. Безкорыстiе его обворожило старика; заключа вЪ свои объятiи просилЪ чтобЪ по крайности пришелЪ кЪ нему въ домЪ, дабы могЪ

ему заплатить какимъ нибудь образомъ за показанную услугу. Природа ошиблась, говорилъ онъ Сюзетѣ, сей служитель носитъ Графскую ливрею и долженъ заступить его мѣсто. Альфлїенденъ, (сїе было имя ихъ избавителя) подтвердилъ доброе сїе мнѣнїе; ибо Гемингъ рѣшившись твердо вникнуть въ сїе состоянїе, въ теченїи осьми дней нашелъ, что онъ превосходитъ еще тѣ мнѣнїи, каковыя съ первой минуты заключилъ объ немъ. Исполненъ знанїи прїобрѣтенныхъ имъ въ путешествїяхъ, вѣдая обычаи свѣта и имѣя притомъ многїя дарованїя, видимо было что нечаянные случаи привели его въ то состоянїе, каковое скрывало настоящее его положенїе. Какое для Геминга удовольствїе возвратить его въ первобытное его состоянїе, а тѣмъ еще больше досадить Графу! Альфлїенденъ отказывалъ склонность къ Сюзетѣ; Сюзета привычна была къ послушанїю. Все сїе удивительно какъ строилось. Старикъ

рикъ навѣрное считалъ, что будто все ужъ сдѣлано, и въ четвертой разъ Сюзетино замужство содѣлалось предметомъ городской новости, разговоровъ и отчаянія Кильмарова, которой самъ находилъ въ новомъ своемъ совмѣстникѣ множество дарованій, однакожъ не лишился надежды; любовникъ всегда оными питается; и Кильмаръ также пріученный къ ожиданію, какъ Сюзета къ послушанію, подружился съ Альфліенденомъ въ намѣреніи примѣчать толь чудесную особу воспользоваться слабостьми, если удастся ему въ немъ открыть оныя.

Альфліенденъ учащалъ кофейной домъ, гдѣ Кильмаръ, также старался за всегда быть. Доброй видъ перваго, благородство въ поступкахъ и разговорѣ, преклонили въ его сторону Кильмара: воздыхая, удивился Гемингу, что наконецъ такъ разсудительно выбралъ. Но въ скорѣ безразсудное желаніе оказывать свои знаніи, опыты, все имъ виданное, дѣланное, или сказанное въ путеше-

ствїяхЪ, надменїе проскакивающее между разговоровЪ, пышное хвастовство хорошихЪ правилЪ и разсказы приключенїй, коимЪ сЪ трудомЪ повѣрить можно, различныя положенїя имЪ испытанныя; все наконецЪ возродило и утвердило Кильмара вЪ перьвыхЪ подозрѣнїяхЪ, которому удалось вскорѣ превратить ихЪ вЪ извѣстность, и открыть подЪ прекрасными видами его покрывавщими ремесло игрока, коего цѣлая жизнь означена была дарами и злосчастїями фортуны. Готовый жизнїю своею жертвовать кЪ спасенїю несчастнаго и безЪ всякаго угрызенїя совѣсти обобрать искреннѣйшаго изЪ друзей своихЪ. Своего состоянїя онЪ игрывалЪ всѣ роли, безпрерывно то счастливо то несчастливо. АгличанинЪ послѣдней его противникЪ искусный поправлятель фортуны присудилЪ ему наложить на себя Рутландову ливрею. Благодѣянїями Геминга получа свою свободу, вкусЪ кЪ игрѣ мало по малу являться сталЪ; Сюзета не была первою

его

его страстью, даже, если необходимость требовала быть ему съ нею вмѣстѣ, сїе наводило ему скуку. Играя всякой день, иногда счастливо, чащежъ несчастливо, не упускалъ однакожъ принимать предосторожности, чтобъ сохранять къ себѣ какъ отцево, такъ и дочернино почитанїе и нарочито удавалось ему скрывать отъ нихъ свое поведенїе. Кильмаръ непосмѣлъ ихъ извѣстить о семъ, начиналъ заботиться и предавался мрачнѣйшимъ мыслямъ о послѣдствїи имъ предвидимомъ. Однимъ вечеромъ погрузясь въ задумчивость, казался спокойнымъ зрителемъ банка, Алфлїенденъ, одинъ изъ дѣйствующихъ персонъ, или былъ несчастливъ, или имѣлъ дѣло съ хитрѣйшими себя въ игрѣ, какъ это онъ полагалъ), былъ въ крайности, и не имѣлъ ничего, чѣмъ бы могъ рисковать еще. Проклинанїи его и шумъ поднявшейся между игроковъ, привели Кильмара самаго въ себя: видя совмѣстника своего принужденнаго покинуть игру,

по-

потому что не имѣлъ больше кредиту, съ радостїю улучилъ сїю счастливую минуту, предложилъ ему апробовать, не будетъ ли онъ счастливѣе противъ его. Предложенїе принято: Альфлїенденъ преслѣдуемый своимъ злосчастнымъ жребїемъ, приходилъ внѣ себя, досадуя, бѣсясь, проигрывалъ больше, желая отыграться: хладокровїе Кильмарово приводило его въ замѣшательство; онъ для вѣрности того, чѣмъ былъ уже ему долженъ, представлялъ въ залогъ все то, что богатство Сюзетино давало ему надѣяться. Нѣтъ, смѣючись говорилъ Кильмаръ: ты витъ сговоренъ, слѣдовательно весьма ужасно въ первой день свадьбы выплачивать долги свои; я прибавлю къ должнымъ вами мнѣ еще пять сотъ червонныхъ съ тѣмъ, что бы вы играли на вашу невѣсту и подписали сей контрактъ. Видъ золота возобновилъ въ несчастномъ Альфлїенденѣ надежду и бодрость; контрактъ былъ подписанъ, карты смѣшаны, а жребїи рѣшилъ въ Киль-

Кильмарову пользу. Какое отчаяніе доставляетъ мнѣ участь моя! вставая говорилъ Алфліенденъ, едва выслушивая Кильмара желающаго его утѣшить и слѣдующаго за нимъ предложить кошелекъ съ тѣмъ золотомъ, кое онъ отваживалъ, и которымъ жертвовалъ съ превеликимъ удовольствіемъ, чтобы только спасти Сюзету, въ надеждѣ для самаго себя трудиться. --- Исполненъ сладчайшей сей мысли, бѣжитъ онъ къ Гемингу, и показываетъ ему контрактъ подписанный Алфліенденомъ. Неспоримымъ симъ доказательствомъ пристыженный старикъ, что будущему своему зятю приписывалъ достоинства, которыхъ никогда у него не было, разсердился жестоко на Кильмара, изорвалъ въ лоскутки контрактъ и обвинялъ еще, что будто онъ обольстилъ своего совмѣстника. „Нѣтъ, съ тихостію возражалъ Кильмаръ; я не облыгаю свойства его, вы видѣли Алфліендена „таковымъ каковымъ хотѣли его ви-

„дѣть,

,,дѣть ; прекрасныя его наружности ,,васъ обманули и меня также почти, ,,еслибъ не удалось мнѣ увидѣть въ ,,собственномъ его видѣ. Когда ка- ,,сается до благополучія въ супру- ,,жествѣ, то не должно полагаться ,,на наружность ; на сердце , харак- ,,теръ, разсудокъ, ,, --- да что раз- судкомъ ты называешь, съ скоростію прервалъ Гемингъ, развѣ всѣ люди его не имѣютъ ? --- но я вижу, вообра- женіи твои замыкаются въ маломъ кругѣ достоинствъ, коими мечтаешь, что обладаешь. ,, Теперь не разсу- ,,докъ надобенъ, чтобъ отличить се- ,,бя, но разумъ, мудрость; сіе толь- ,,ко возвышаетъ въ мірѣ, и которое, ,,даже послѣ самыя смерти приво- ,,дитъ къ безсмертію.,, Кильмаръ удивляясь новому сему дурачеству , замолчалъ, для того, что опытомъ извѣдалъ, чѣмъ больше его оспоривать, тѣмъ пуще утверждать въ его мнѣ- ніяхъ. Онъ его оставилъ надѣясь , найтить въ другихъ разположеніяхъ.

Ни-

Никогда городъ, въ которомъ они обитали оба, не имѣлъ въ нѣдрахъ своихъ того, что называютъ, (часто по злоупотребленію) умъ, ученость, которые подъ симъ славнымъ имянемъ, (если оное заслужено) получаютъ, или присвояютъ себѣ поверхность; какъ въ городѣ, такъ и при дворѣ, разнесся слухъ, что шайка бродящихъ комедіантовъ вновь прибывшая, имѣла съ собой Автора, которой Аполлоновой Лирой могъ возбудить головы жителямъ, и посѣять въ необработанной землѣ разумъ. Сперберъ имя мнимаго ума, дѣйствительно имѣлъ нѣкоторыя дарованія, кои благоразумные люди цѣнить знали; но увѣрительной его видъ ослѣплялъ и оказывалъ сію часть публики, которая большую часть оныя составляетъ, и которая попускаетъ себя обманывать бездѣльными видами. --- Вскорѣ Сперберъ сдѣлался предметомъ разговоровъ и вниманія публики; если у кого онъ бывалъ, то повторяютъ имъ изреченное; одежда, фигура, разго-

воры его имѣли, какъ сказывали, изображенiе высокаго ума; будучи изряднаго виду, любя женщинъ, прiобщiя дерзость къ лести, онъ столь же свободно прiобрѣталъ сердца ихъ какъ и онѣ его. Въ одномъ маленькомъ пиршествѣ нарочно для него сдѣланномъ, увидѣлъ Сюзету; прелести Гемингговой дочери тронули его сердце; по утру получаетъ она оду содержавшую пышныя объявленiя нѣжныхъ чувствiи ею въ него вдохновенныхъ. Не смотря на модное воспитанiе послѣдовавшее Графскому исканiю. Сюзета не совершенно еще вѣдала всѣ тайности митологiи; восхищалась читая стихи, въ которыхъ собственное ея имя включено было, но безъ помощи не въ силахъ будучи достигнуть высокаго парения избраннаго Сперберомъ, бѣжала къ своему родителю; они занимались сей новостью; какъ Кильмаръ пришелъ имъ расказать конецъ связи ихъ съ Алфлiенденомъ. Заключить можно, что по прошествiи первыхъ

выхЪ движенiи гнѣва, старикЪ имѣлЪ уже вЪ виду Спербера при своемЪ отвѣтѣ. Уже предувѣдомленный о славѣ Питы, голова его кружилась, видя повергнутыя кЪ стопамЪ своея дочери музу его и дарованiи. О! дитя мое, говорилЪ онЪ ей, обнимая сЪ великимЪ движенiемЪ, вотЪ ты достигла наконецЪ благополучiя, Любима, предлагаетЪ честь сватовства человѣкЪ, которому весь городЪ удивляется, коего слава по собственному его признанiю, простирается отЪ одного Полюса кЪ другому. Мы вЪ цѣлой Европѣ будемЪ славиться, когда узнаютЪ, что тебя избралЪ онЪ изЪ всѣхЪ нашихЪ дѣвушекЪ: что скажутЪ сосѣдственные народы? --- Сюзета удивлялась какой шумЪ учинитЪ она вЪ свѣтѣ, охотно согласилась на сiе предложенiе; весьма хорошо приняла новаго своего любовника; и терпѣливой КальмарЪ удаленЪ былЪ больше нежели когда либо прежде отЪ надежды; все что ни представлялЪ онЪ Гемингу, служило токмо

мо

мо къ усугубленїю почитанїя его къ Сперберу, которой съ своей стороны солюбовниковъ своихъ раздавлялъ сатирами и плѣнялъ старика собранїемъ замысловатыхъ и острыхъ рѣчей, потому что имѣлъ способность вводить оныя въ свои разговоры какъ будто бы ему онѣ принадлежали. Всякая Сюзетина прелесть раждала романъ, стихи даже цѣлыя поэмы. Тщетно благоразумные люди извѣщали старика, что непостоянство въ любви столько же обычно у мнимыхъ высокоумцевъ какъ противорѣчїе въ правилахъ; и восторги Пїиты не поспѣшествуютъ и не содѣлываютъ благополучїя въ жизни. Гемингъ всему этому не вѣрилъ; будущимъ своимъ зятемъ возведенный въ чинъ полубоговъ, дочь его уже богиня, какъ возможно ему Олимпъ оставить? Сюзета ведомая Сперберомъ по всѣмъ кругамъ луны, сребровидными ручьями водъ утоляющая свою жажду, провождала прїятнымъ образомъ время и казалась на пути благополучїя;

отецъ

отецЪ и дочь тѣмЪ токмо и занимались, чтобЪ пребыванїе у нихЪ Пїиты учинить наипрїятнѣйшимЪ. По случаю приближающейся день его рожденїя, (о чемЪ онЪ будто сказалЪ ненарокомЪ) подалЪ имЪ мысль о празднествѣ; и всѣ головы какЪ родни такЪ и прїятелей ГеминговыхЪ трудились отпраздновать сей великїй день славнымЪ, забавнымЪ и чрезвычайнымЪ образомЪ. Всѣ собрались, роли повторены, пирЪ готовЪ; чтобЪ оному воспрїять начало единаго героя ожидали; тщетно ждавЪ его гости выходили изЪ терпѣнїя, Сюзета сЪ отцемЪ безпокоились; страшились какого нибудь злоключенїя: трепетали, бѣгали туда и сюда безЪ всякаго успѣха, какЪ вдругЪ возвратившейся искать его служитель пришелЪ сЪ вѣдомостью, что онЪ уѣхалЪ вЪ деревню. -- Это не возможно, всѣ вскричали! -- даже самЪ КильмарЪ не могЪ сему повѣрить и старался доказывать, что столь высокой умЪ знаетЪ довольно обра-

щеніе, по крайней мѣрѣ извинилсябЪ, если онЪ долженствовалЪ противЪ всякаго чаянія отлучиться. -- БезЪ сумнѣнія, подхватилЪ ГеминѓЪ, я также не вѣрю сему отЪѣзду. Кто знаетЪ не готовитЪ ли онЪ намЪ пріятное удивленіе? -- КакЪ мы ни старались скрывать пріуготовлении наши кЪ празднеству, онЪ можетЪ проникнулЪ; вы увидите. -- Принесенная кЪ старику записка его прервала; всѣ окружаютЪ; и чтобЪ удовлетворить нетерпѣнію и вопросамЪ читаетЪ вЪ слухЪ. Вмѣсто высокаго произведенія стихотворства, находитЪ онЪ посланіе преисполненное самыми простонародными упреками, вЪ которой простымЪ слогомЪ требовалЪ поправленія вЪ озлобленіи ему причиненномЪ и на отрѣзЪ обЪявлялЪ, что ни дочь ни отца никогда не увидитЪ. Тщетно мучился ГемингЪ открыть то, что бы они сдѣлали, могшее огорчить его; даже искренніе друзья самаго Піиты не вѣдали причины, но всѣ вообще сога-

гласились, что Сперберъ былъ наичувствительнѣйше обиженъ. Загадка осталась бы не рѣшенною, еслибъ не подкупили Піитова слугу, которой слышалъ отъ Господина своего, что оной бывъ безпокоенъ не вареніемъ желудка, обычайною своею болѣзнію, нашелъ въ нужномъ мѣстѣ, (куда онъ удалился) отрывокъ одной изъ его трагедіи, которую привыкъ видать на Туалетахъ. Озлобившись симъ ругательствомъ, Сюзета и отецъ ея казались ему существами безъ всякаго смыслу; онъ клялся прервать съ ними свое знакомство и наполнивъ злобою и ругательствами посланное къ нимъ письмо, удалился. Гемингова досада была весьма велика, (не смотря на неудовольствіе причиненное ему симъ отъѣздомъ, на прерваніе празднества и на упорство Сюзеты, коея самолюбіе чувствительно было тронуто). Онъ сыскалъ бы и примирился съ Перберомъ; но побѣгъ комнатной Сюзетиной женщины причинилъ новое явленіе и объя-

сненіи

сненіи, кои дали познать Гемингу, что высокіе умы столь же подвержены слабостямъ какъ и другіе человѣки. Изрядная черта разума, вскричалъ Кильмаръ, случившейся при семъ открытіи! такъ видно этимъ привлекаютъ къ себѣ почтеніе публики и содѣлываются безсмертными! -- Полно умничать, подхватилъ Гемингъ, которой большими шагами прохаживался по комнатѣ. --- Въ сію минуту ты торжествуешь, однакожъ я докажу тебѣ воистинну, что я знаю свѣтъ, пятидесятилѣтнимъ моимъ опытомъ, что мои изысканіи удачно выдать за мужъ Сюзету, возъимѣютъ еще счастливой успѣхъ. --- По днесь, возразилъ Кильмаръ, всѣ ваши успѣхи весьма худо кончились. -- Всѣ! -- а! да кто въ семъ утверждать осмѣлится? Какъ! потому что тѣ, коихъ выбиралъ не соотвѣтствовали моему ожиданію? Но судно не можетъ ли по десяти неудачныхъ покушеніяхъ, достигнуть наконецъ, (даже между

под-

подводныхъ камней) къ желаемому острову? --- конечно такъ, отвѣчалъ смѣючись Кильмаръ; но если сей островъ существуетъ только въ головѣ корабельщика, которой его ищетъ! -- по крайней мѣрѣ, возразилъ съ досадою старикъ, онъ пріобрѣтаетъ тѣмъ знанія. --- Однимъ словомъ, Кильмаръ, если еще разъ можешь ты мнѣ доказать мою ошибку въ новомъ выборѣ, то согласенъ на твои желанія; полножъ разсуждать: я все то ненавижу, въ чемъ не могу себя убѣдить собственными моими глазами и моимъ опытомъ. Кильмаръ остался довольнымъ, что токмо одного случая ожидать ему стоило, удалился. Старикъ оставшись одинъ, проходилъ мыслями своими разныя состоянія, на которыхъ упадалъ его выборъ, заключилъ, что человѣкъ ограниченный, безпечный, или простякъ, былъ одинъ, которой не привлекалъ его взоровъ; однакожъ дѣйствительно, прибавилъ онъ, ето существо есть счастливѣйшее, какъ для него самого, такъ

и

и для другихъ ; всегда всемъ довольный, никакое состоянїе съ симъ характеромъ не въ сравненїи : даже находятъ оной съ самыми важнѣйшими чинами соединеннымъ , и потому человѣкъ симъ обладающей , можетъ быть весьма добрымъ мужемъ. Онъ сему начертанїю видѣлъ предъ глазами своими подлинникъ , юный Ельрикъ съ одутливыми щеками, безпрестанно смѣющейся, изряднаго виду , внушалъ разговорами своими сладчайщее усыпленїе ; простъ, невиненъ въ своихъ поступкахъ , когда онъ удовлетворялъ естественнымъ нуждамъ, то предавалъ себя какимъ нибудь Тунеядцамъ, кои управляли его имѣнїемъ, и ему насмѣхались. Гильбрандъ истинной его прїятель , великой хитрецъ, ввелъ его къ Гемингу и зналъ извлечь пользу изъ прямодушной Елриковой простоты. Не было дней, чтобъ сей не утѣшалъ старика какими нибудь забавными явленїями , и содѣлался наконецъ причиною добрыхъ сказокъ въ городѣ. Съ нѣсколькихъ

кихъ уже мѣсяцовъ посѣщалъ онъ стариковъ домъ, какъ нѣкогда ввечеру, Гильбрандъ увидѣлъ его прибѣжавшаго, имѣя лице въ пламени, печальна и жалующагося на причиненную ему отъ Сюзеты болѣзнь. --- Сюзеты? да какъ это, мой другъ? -- я не знаю, но это она; я смотрѣлъ на нее, она на меня; я сдѣлался безпокоенъ, не здоровъ и съ нѣкотораго времяни всегда это случается, когда я съ нею. --- Ты видно влюбленъ Ельрикъ, или я ошибаюсь. --- Влюбленъ, О! развѣ такъ-то бываютъ влюбленные! ---- чтожъ должно дѣлать, скажи Гильбрандъ скорѣй, я тебя прошу? мнѣ этого мало! естьли не поможешь, то умру всеконечно. -- Женись на ней. --- И я перестану быть влюбленнымъ? пойдемъ, мнѣ этого хочется; но помогай мнѣ, ты знаешь, что не люблю я долго мыслить. --- На что тебѣ мыслить; иди къ Гемингу проси у него за себя дочь; если отказано не будетъ, то все само собою пойдетъ не дур-

но. Ельрикъ послѣдовалъ совѣту; требованіе его было столь грубо, печаль очевидна и голосъ такъ смѣтонъ, что Сюзета изъ всей силы захотала; со всѣмъ тѣмъ старику не мало понравилось его рѣвностное желаніе, совѣтовалъ ему успокоиться, увѣряя что дастъ свое согласіе, если пріобрѣтетъ онъ Сюзетину склонность. --- Пріобрѣсть! вскричалъ Ельрикъ, схватя ее въ свои объятіи; О! она отъ меня не уйдетъ. Сюзета устрашась его восхищенія упала въ обморокъ: на крикъ стариковъ и Ельриковъ, прибѣжали; подана помощь; увлекаютъ отъ нее Ельрика; старикъ осыпаетъ его укоризнами, онъ выходитъ какъ бѣшеной съ смутными глазами, разстрепанными волосами въ величайшемъ будучи движеніи. Да чтожъ такое я сдѣлалъ, кричалъ онъ? я убилъ Сюзету, она умираетъ, самъ это видѣлъ. Великій Боже! я умираю также, помоги, мой другъ, помоги, я задыхаюсь: жени меня на Сюзетѣ, или. --- Ты со

всѣмъ

всѣмъ обезумѣешь, Ельрикъ, если не врачевать тебя: --- ты со всемъ обезумѣетъ, Ельрикъ, если не врачевать тебя. --- Ты ее испужалъ, вотъ и все тутъ; изрядныя ухватки прiобрѣтать женское сердце! ты совсѣмъ какъ бѣшеной, видъ твой разгорячень, разсѣянъ, хриповатой голосъ, по крайности смягчить его надобно. --- Какъ приступить къ тому, скажи скорѣй? на все согласенъ, что бы только достать Сюзету. Какъ принять спокойной видъ и имѣть прiятной голосъ? --- могъ бы, сказалъ Гильбрандъ, но. --- О! заклинаю тебя, не заставляй страдать долѣе. --- Ну такъ, сдѣлайся Италiянскимъ пѣвцомъ. --- И Сюзета не лишится жизни! безопасно могу ее видѣть? --- въ томъ отвѣчаю, говорилъ Гильбрандъ. --- Ельрикъ не колебался исполнить: вскорѣ слухъ Героическаго его намѣренiя разнесся въ городѣ. Какая глупость! вскричалъ Гемингъ, а я безъ наслѣдниковъ. Кильмаръ прибѣжалъ еще, но на сей разъ

не

не пышно. Если вы (смѣючись говорилъ Гемингу) не назначили будущаго вашего зятя въ актеры, то прихожу напомнить вамъ о сдержанiи мнѣ вашего слова. Старикъ устыженный своими дурачествами, позволилъ наконецъ Сюзетѣ выбрать самой; она дала руку свою Кильмару; и благополучiе ихъ убѣдило Геминга, что чрезвычайности ничего нестоятъ и что *ни много*, *ни мало*, во всякомъ смыслѣ наиблаженнѣйшее есть состоянiе.

Конецъ.

